

Борис Житков
**ИЗ МОРСКИХ
ИСТОРИЙ**

Издательство
«Детская
литература»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Б О Р И С
ЖИТКОВ

РАССКАЗЫ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976

P2
Ж74

Обложка П. ПАВЛИНОВА

Житков Б. С.

Ж74 Из морских историй. Рассказы. Обл. П. Павлинова. М., «Дет. лит.», 1976.
 112 с. с ил. (Школьная б-ка для нерусских школ).
 В книгу вошли рассказы: «Вата», «Компас», «На воде» и др.

Ж 70803—377 502—76
М101(03)76

P2

БОРИС ЖИТКОВ

Это был невысокий, очень лёгкий человéк с быстрыми и точными движениями. Длинные волосы делали его похожим на находившегося сокола. И весь он напоминал птицу, всегда готовую к полёту.

Но когда он начинал говорить, впечатление лёгкости исчезало. Говорил он очень медленно, словно отпечатывая каждое слово на невидимой бумаге. И каждое слово было точным и таким ярким, словно было освещено изнутри.

Этим внутренним светом до сих пор сверкают его рассказы, где слово пригнано к слову так точно и плотно, что невозможно вынуть одно и заменить другим, не испортив страницы или всего рассказа.

Очень простые, на первый взгляд, его рассказы были плодами великого труда. Он сочинял их годами, прикладывая в уме слово к слову, но не записывая ни строчки, точно так же, как это делал другой замечательный детский писатель — Аркадий Гайдар. И только когда рассказ был отдельно написан и навсегда закреплён в памяти, Борис Степанович записывал его — а для этого нужно было всего один-два дня. Борис Житков всю жизнь помнил всё им написанное наизусть, и вы могли разбудить его ночью, и любой рассказ он мог написать заново — точно слово в слово.

Для тогó чтобы написа́ть эти расска́зы, ма́ло бы́ло одногó талáнта. Нужно бы́ло прожи́ть таку́ю жизнь, ка́кую прóжил Бори́с Степáнович Житко́в.

Жизнь эта была́ большо́й и трúдной. Бори́с Степáнович объéхал полми́ра, встречáлся с ты́сячами людéй, ви́дел мнóжество стран. Но глáвное, он владéл деся́тком профéссиí.

Бори́с Степáнович окончил университе́т с диплóмом хýмика. Он имéл звáние штúрмана дálьнего плáвания. Он как учёный-биóлог возглавлýл нау́чную экспедицю на Ени́сéй. Он был инженéром-кораблестроýтелем. В Англии, где он был в командинговке, считáлся крупнейшим специалистом по авиацио́нным мотóрам. Он плáвал вокрúг свéта, летáл на самолéтах, которые в те гóды бы́ли еще нови́нкой, и, наконéц, спуска́лся на дно мóря в костýме водолáза и на подвóдных лóдках.

Кróме тогó, он владéл деся́тком язы́ков, так что его принимáли то за францúза, то за грéка, то за тýрка, пре-восхóдно игрáл на скрипке, знал наизу́сть всегó Пúшкина, Лéрмонтова, Грибоéдова, стáвил балéты на сцéне Наро́дного теáтра в Ленинграде, мог отвéтить на любо́й вопрос. За все́ это его и называ́ли «живо́й энциклопéдией». Он любíл простые ремёсла людéй трудá: плóтницкое, столáрное, слесáрное, токáрное дéло, был бóндarem и жестя́нщиком и вдвоём с двоюродным бráтом, своíми рукáми, построил яхту «Секréт».

Он оченé много дóмал о будущем, о том врéмени, когда́ человéк овладéет планéтой и вылетит на разведку в космíческое пространство.

Тéплое океáнское течéние Гольфстрýм омыва́ет берегá Норвéгии и мýрманское поберéжье, и мóре здесь ни-когда́ не замерзáет. Но, дойдя до островóв Нóвая Земля, Гольфстрýм поворáчивает на сéвер и исчезáет в райо́не полюса. Бори́с Житко́в мечтáл срыть, взорвáть эти островá, и тогда́ тéплое течéние пошлó бы вдоль сéверных

берегóв Сибири, превратив этот сурóвый край в цветú-
шую страну.

Гигантские ледникí толщиной до двух киломéтров по-
крываю́т сáмый большóй остров в мíре — Гренлáндию.
Это — остаток великого ледникóвого периода. Если
посыпать эти ледникí угольной пылью — а для
этого достаточно всего одной тысячи самолéтов,— то
солнце постепéнно растворит вéчные льды, и Гренлáн-
дия сно́ва превратится в зелёный остров, каким он был
когдá-то.

Борис Степáнович мечтал о том времени, когда жите-
ли Земли всту́пят в переговóры с обитáтелями других
планéт. Он предлагал создáть на поверхности Земли из
прожекторóв фигúру человéка — в неско́лько тысяч кило-
метров длиной. В нúжный момéнт снопы прожекторóв
повернутся, и огненный человéк словно махнёт рукой
невéдомым жителям иных мирóв...

О мнóгом мечтал писáтель Житкóв, но писал он тóль-
ко о том, что хорошо́ знал и сам пéрежил.

Книгу Борис Житкóв считал великим воспитáтелем.
Он хотéл, чтобы его читáтели выросли настоящими людь-
ми — сильными, смéлыми, благородными. Поэтому он
писал о таких людях — не выдуманных, а настоящих ге-
роях, которым хотéлось бы и стóило подражáть.

Бóльше всегó на свéте он любил мóре и его трúжени-
ков — матróсов, рыбакóв, кочегáров, портóвых рабóчих,
механиков, капитáнов больших и малых кораблéй. Он хо-
рошо́ знал, что работа этих людéй трúдная и опасная,—
недáром свой первый сборник рассказóзов он называл «Злóе
мóре». Но именно здесь, на мóре, лицом к лицу с приро-
дой, наиболее полно раскрываются и хорошие и дурные
стороны человéка.

Всю жизнь Житкóва интересовал вопрос: что такóе
хráбрость? Он считал, что хráбрость — сáмое вáжное
качество в человéке. Тrúсость, говорил он, ведёт к предá-

тельству, к пôдлости — вот почемû надо быть хrâбрым. «Я знал,— писál он,— что по-францúзски «трус» и «подлéц» — однó слово «ляш». И вérно, дûмал я, трúсость привóдит к пôдлости».

Но не всýкая хrâбрость дéлает человéка настóящим герóем. Хrâбрость не хвастовствó и не бессмысленное молдечество. Тóлько тот по-настóящему храбр, кто пренебрегáет опáсностью и рискóет всем, чтóбы защитíть и спасти то, что дорóже жíзви.

О хrâбрости и трúсости и напýсаны «Морскíе истóрии».

В рассkáзе «На водé» (*Шквал*) грек-хозяин не бóйтся перегрузить сúдно. Но э́то не хrâбрость, а пôдлость: егó интересует тóлько нажíва, а до людéй ему нет никакого дéла. И когда налетáет шквал, то бессмысленно гíбнет и корáблъ и егó хозяин.

В рассkáзе «Над водóй» трúсость мехáника привóдит к пôдлости: он бóйтся выйти на крылó летящеего самолёта, чтобы испráвить заглохший мотóр, и вмéсто него идёт неопытный ученик Федорчук. Мáльчик по-настóящему храбр, он хóчет спасти пассажíров, спасáет их, но пáдает с обледенéлого крылá самолёта и гíбнет по винé трúса мехáника.

Лейтенант Я., командир подвóдной лóдки № 17 в рассkáзе «Под водóй», из лихáчества решáется пройти подо дном парохóда. Но э́то не пôдлинная хrâбрость, и, когда лóдка садится на дно и люди начинáют задыхáться, командир выносит себé приговóр: «Я не имéю прáва дышáть э́тим вóздухом».

Капитáн парохóда «Мéри» мýстер Артур Пárкер тóпит пáрусник «Марíя» из тщесláвия¹, из презрения к рúсским, которых он считáл «дикарями». Он не тóлько подлéц, но и трус. И не случáйно он теряется самообладáние, когда узнаёт, что егó преступлéние раскрыто.

¹ Тщесláвие — высокомéрие, самомнéние, любóвь к слáве.

Хозяин шхуны «Мария» Афанасий Нечепуренко не зажигает сигнальных огней на корабле из жадности, чтобы сберечь керосин. Это приводит к бессмысленной гибели его самого и команда.

В морских рассказах Житкова корабли часто кажутся живыми. «Этот катер был мой любимец,— писал он в очерке «Ледоколы».— За то я его любил, что он был маленький и в то же время как настоящий пароход: палуба настоящая, машинка, труба, каюты — все по-пароходному и все как будто детское. Имя у катера серьезное — «Работник».

О любви к кораблям и к людям, которые создают такие корабли и водят их по морям, написан рассказ «Николай Исакич Пушкин».

И не зря корабль «Пушкин» портовые люди называют по имени-отчеству командира: Николай Исакич, потому что невозможно отделить капитана от жизни его судна.

Такие люди, как капитан Николай Исакич Стратонов,— подлинные герои для Бориса Житкова.

Читатели очень часто задавали писателю вопрос: что правда и что вымысел в его рассказах? Борис Житков однажды ответил на этот вопрос в журнале «Пионер».

«В рассказе «Компас»,— писал он,— ...почти точно описано то, что было со мной и моим товарищем Сережей. Его потом за другое тоже дело сослали на каторгу.

...Про «Марию» и «Мэри» — это тоже не выдумано, а такой случай был. Конечно, я не слыхал, что говорили на паруснике и что говорилось в это время на пароходе. Но таких хозяев-украинцев было полно в Херсоне, на Головой Пристани, в Збурьевке, на Днепре. И английских капитанов я таких много видел. Какой именно тот был, что разрезал парусник, я не знаю. Но уверен, что он не очень отличался от тех, каких я знал. Так что ни капитана, ни

шкýпера-українца я не вы́думал, слúчай тóже не вы́думанный, а тóлько я всё э́то свёл вмéсте».

В жýзненnoй прáвde, в поразительной остротé зréния писáтеля, в благорóдной хрáбрости его герóев — сýла и бессméртие рассkáзов Борýса Житkóва.

Кирилл Андреев

ВАТА

Это наконéц нас стáло заедáть¹. Прихóдишь, бывáло, в порт. Вот он, тамóженный досмóтр², хóдит и погля́дывает, во все уголки нос засóвывает:

— Что у вас тут? А под кóйкой что? А в вентиляторе что?

Иничегó не нахóдит.

А тут смотрíте, одýн нашёлся такóй скорпиóн, то есть досмóтрщик, что ничегó ему не надо искáть, прýмо:

— Вот эту дóску мне оторвите!

— Как так рвать? А назáд кто её пришивáть бúдет?

— А если ничегó там нет, то всё в прéжний вид приведу я. А как обнарóжено бúдет к провóзу недозвóленное, то сáми должны понимáть...— И пáльчиком стúкает:— Вот в этом сáмом мéсте.

Чинóвник, что с ним хóдит, бróви поднимáет, ему в глазá засмáтывает: так ли, мол? Как бы сráму нé было!

А этот скорпиóн долбít пáльчиком:

— Небеспремéнно здесь.

¹ Заедáть — здесь: задевáть, огорчáть.

² Тамóженный досмóтр — осмóтр грúза погранíчниками, тамóжешными чинóвниками; здесь: тамóженный чинóвник.

Рвут доску — и как чудо: в том самом месте штук¹ шёлка.

Потом идёт тихонечко в кочегарку, сразу в угольную яму:

— Вот тут копайте.

А в этих угольных ямах угля наворочено гора, и раскidyвать его некуда, да и темнота, только лампочка электрическая коптит. А он, как конь, ногой топчет этот уголь:

— Здесь копайте.

Роют.

— Ну, — говорят, — ничего там не сыщешь, тебе туда самогоЗакопаем живого.

В этот уголь чиновник поневоле лезет. Назло ребята пыль поднимают, уголь швыряют лопатами, как от сбак отбиваются. Гром стоит — ведь железо кругом. Коробка это железнная — угольная-то яма. Называется только так. Чиновник чихает, платочком рот прикрывает. А скорпион всё ниже лезет и лампочку на шнурке тянет.

— Зачем левый берёшь? Нет, ты вот здесь, здесь копай. Ага! Это что?

И лапами, что когтями, — цап! Пакет. Наверх, на палубу. Тут распутывать, разворачивать — бумажки. Какие такие бумажки? Хлоп — и жандарм тут.

— Эгэ-с! — говорит жандарм. — Понятно-с. Механика сюда! Капитана!

Акт писать: найдены зарытыми бумажки, а бумажки насчёт того, чтобы царя долой, фабрикантам по затылку, и вообще неприятные бумажки. А пришли из-за границы.

Потом слух проходит, что дознались: бумажки за границей печатались, даже журнальчик среди бумажечек нашли. Даже кипку изрядную. Журнальчик-то на тоненькой бумажке отпечатан.

¹ Штука — здесь: цельный кусок.

А он, как конь, ногой топчет этот уголь;
— Здесь копайте.

Тут всю маштабную команду перетрясли¹. Водили, допрашивали. Двойх так назад и не привели.

А скорпион этот ужё гоголем ходит². То есть как это сказать? Он до сих пор змеёй смотрел, а уж теперь прямо аспидом³. Идёшь мимо, а он дежурным на переезде стоит и провожает тебя глазами, как из двустройки целит. И, видать, трясит, как бы кто его не угораздил булыжником. Оружие им не полагалось по форме, но этому, слышно было, выдали револьвер, чтобы держал в кармане на случай чего. И все это знали.

Чиновник при всех ему говорил:

— С тобой бы, Петренко, клады в лесах искать. С тобой и рентгена никакого не надо. Как это ты? А?

— Это, выше высокородие, нюх и практика.

Однако взяли двух. Но мы-то с Сенькой остались на пароходе. На берегу мы с ним имели совет между собой. Ясно, что глаза скорпионов⁴ с нами плывут, кто-то смотрит, слушает и заваливает⁵ публику. И мудрёного тут нет ничего. У кочегаров и матросов на носу общие помещения — кубрики: кочегарский и матросский. По борту — койки в два этажа и по переборке⁶ такие же. Посреди стол. В углу икона, а над койками карточки, картинки разные. Все вместе едят, вместе спят. Тут чуть что пошептался, сейчас всем видать и всё слыхать. Протрапались ребята или без оглядки языком бились⁷, только это ужё факт, что есть засыпайлы⁸ какие-нибудь между своих же. А вот кто? Стали и план разбивать: кто бы это был и как его узнать? А на пароходе стало совсём

¹ Перетряслы — здесь: проверили, допросили.

² Гоголем ходит — ходит гордо, уверенно.

³ Аспид — ядовитая змея; здесь: злобный человечек.

⁴ Глаза скорпионов — здесь: шпион, доносчик.

⁵ Заваливает — здесь: доносит.

⁶ Переборка — перегородка, внутренняя стена.

⁷ Без оглядки языкком бились — говорили не думая.

⁸ Засыпайлы — доносчики.

паршыво: все друг на дру́га вóлком¹. Всякий дúмаєт: «Это ты засыпал». Да и вéрно. У одногó два несчáстных фúнта² цейлонского чáя и то нашу́пал э́тот скорпион. Его́ ребя́та угощáть прóбовали. Отку́порят загранíчную буты́лку, ему́ стакáн. Вýпьет, гúбы оботрёт: «Дóброве ви́но! А в сундукé у вас как?»

Но нам с Сéнькой бы́ло задáние — держáть связь с за-гра́нице́й, доставля́ть журна́лы. А тут нá! Провалíли, и двóе людéй засыпалось. Это с какíми глазáми мы туда вы́ставимся! Хоть спýсывайся на бéрег³ да на другóй па-рохóд. И тут нáши товáрищи, здéшние, стáли срамítь. Нас с Сéнькой такáя досáда взяла, что тех двух арестó-ванных, кочегáров э́тих, дáже и не жалéли. Ругáли прáмо.

А в комите́те нам сказáли:

— Товáрищи дорого́е, мы уж и не знаем, как вám и доверя́ть. То есть ребя́та вы, мóжет, и вéрные, но нам сейчáс швыряться сótнями номерóв нельзá: врёмя горя́чее. Это не шúтки. Не конъя́к в пáзухе проносíть. Мы другóй путь бúдем искáть.

И все на нас глядáт, и кáждый дúмаєт, что мы с Сéнь-кой шлáпы⁴ и свистунки.

— Вы,— говоря́т,— товáрищи, обдúмайте.

Тогда я говорю́:

— Э́тот рейс мы не берёмся: действительно, надо всё провéрить. И мы скáжем, а когда скáжем, то уж... однíм слóвом, скáжем.

Чего́ тут бы́ло говорить? Пошли́ мы как оплëванные. Но про донóсчика э́того решíли, что вы́ловим, и тогда уж егó, гáда, прóсто в вóду зá борт. Мáло ли что, упáл чело-вéк зá борт. Нóчью. Быва́ет же такóе.

¹ В о́лком (смóтрят в о́лком) — то есть с недовéрием и злóбой.

² Ф у н т — старíнная méра вéса, 410 грáммов.

³ С пýсывайся на бéрег — бросáй рабóту на корабlé.

⁴ Ш лáпа — здесь: растя́па, нерасторóпный человéк.

Всех мы перебрали с Сéнькой. Всех обсудили. Да нет, все бúдто одинаковые. На всякого можно подумать. И вот что выдумали. Выдумали мы ужé в мóре, когда сняли́сь¹, а совсéм уговорились в персидском портú, в Бáссоре².

Принимали мы там хлóпок. Это как бы побольше кубического méтра тюк. Он зашит в джут³ и затянут двумя желéзными полосами, как ремнями. Вáта, а в таком тюке четырнадцать пудов её. Это её прессом так прессуют, что она там, в этом пакете, как камень. Дáже не мягкаяничу́ть.

И вот наш план.

Бúдем говорить в кубрике за столом вдвоём по секрету. И смотреть, чтобы только один человéк мог нас слышать. И нáчисто никто больше. И говорить будем, как вроде секрета между собой. Так к примеру: «Так ты не забыл, значит, как это место (тюк, значит) помéтил?» А другой должен говорить: «Нет, на каждой стороне красная точка в пятак». — «А сколько там номеров?» — «А две сотни газéт положено, так скáзывали».

А при другом говоришь, что не точка, а кресты по углам чёрные. И для каждой разные марки. И, чтобы не спутать, Сéнька всё себе запишет где-нибудь.

Нас на погрузке ставили трюмными: это значит стоять в трюме⁴ и глядеть, чтобы грузчики правильно раскладывали груз. Грузчики — персы; значит, что я ни делаю, рассказывать они не могут. А потом я над ними вроде распорядитель всех делов⁵. Сéнька у себя во втором — тоже. Каждый взял по ведёрку с краской и кисточкой. Это

¹ Сняли́сь (сняли́сь с якоря) — вышли в мóре.

² Бáссора (Бáсра) — портовый город в Иráке.

³ Джут — грúбая ткань.

⁴ Трюм — внутреннее помещение корабля между нижней палубой и днищем, предназначенное для груза, котлов, машин и т. п.

⁵ Правильно: дел.

мы наперёд пригото́вили. И жа́ра там, в Бáссоре, немы́слимая. Кра́ска сты́нет, как плевóк на морóз. Вот я дéлаю врóде тревóгу, пéры на менé смóтрят. Я сейчáс с ве́дёрком и мéчу кра́сным тюк. Онí дóмают, что э́то нáдо по прáвилу. Я прика́зываю: осто́рожно, не размáжь и катí его тудá. Онí слúшают. Уж к обéду мы все мáрки нáши постáвили — двáдцать семь мáрок, по числú людéй. Тепéрь остáлось двáдцать семь разговóров устро́ить. И чтóбы вíду не показáть, что мы э́то «на пúшку»¹ тóлько.

Пéрвый раз чуть всé не пропáло. Сéнька — смешлý-
вый. Я при Оси́пе так серьёзно начинáю:

— А ты,— говорó,— помнишь, какýю ты мáрку стáвил?

И вíжу — Сéнька со смеху не прожуёт². Менé в смех ввóдит. Не могу на него глядéть.

— Ты вы́йди на пálубу,— говорó,— поглядý, францúз нас догоня́ет, «Мессажерý».

Он éле до порóга добежáл. Ну что ты с такíм стáнешь дéлать? Я уж дóмал, пропáло нáше дéло.

Потóм емý говорó:

— Если ты мне на разговóр смешký начнёшь и кóми-
ки рáзные стрóить, то, чтóбы мне сгорéТЬ, я тебý тут же
вот э́той мéдной крúжкой пó лбу. Разобрáл?

Опáть, что ли, с Оси́пом нáново начинáть? Остáвили
его напослéдок. Взя́ли Зу́ева. Он всé папирóсы набивáл.
Сядет с гíльзами и штрíкает, как машíна. Загоня́л³
потóм их тут же промéж свойх, кто прокýрится. Он себé
штрíкает, а мы врóде не замечáем. Нáчали разговóр.

Сéнька со всей, видáть, сíлой собráл гúбы в трúбку
и не свойм гóлосом, как удáвленик:

— Кра́сным крестóм мéтил.

¹ «На пúшку» — на обмáн.

² Не прожуёт — здесь: дáвится.

³ Загоня́л — здесь: продавáл.

Хóду нам дó дому мéсяц, и за мéсяц мы всех двáдцать семь человéк размéтили, на все на́ши двáдцать семь мáрок, и всех записáли.

Потóм я Сéньку спрашиваю:

— На кого дóумаешь?

— На Осипа,— говорít.— Он аккурáт присúнулся ближе, как ты сказáл, что двéсти номерóв. А ты на кого?

А я сказáл, что Кондрáтов. И потому Кондрáтов, что он сейчáс же встал и отошёл. Тóлько услýшал, что кружкóм мéченó, и сейчáс же запéл весéлое, врóде нигдéничéго, и вон вы́шел.

Простáк глядí какóй!

— На Осипа,— говорю,— дóматъ нéчего. Он человéк семéйный, ему подрабóтать без хлопóт, да вот сáхару не ест, домóй кóпит.

А уж к порту подходíли, я уж совсéм смешáлся, на кого дóумать. Семéйный, а мóжет быть, он сáмый и есть предáтель, éтим и подрабáтывает. Другóй вот—Зýев; чéгó он весéлый, надо не надо? Чегó ломóты эти стрóйт?¹ Так егó и крúтит, бúдто штóпор в него завинтили. Из кочегáров двóе тóже были у нас на мýшке². Потóм нам стáло казáться, что на нас все по-вóлчы глядят. Мóжет, меж собой рассkáзывали про наш разговóр? Уж не знали, как до порта дойдём.

Однáконичéго. Опять чинóвник к нам, опять этот сáмый скорпиóн, жандáрм, всё как полагáется. Но тóлько началáсь вы́грузка, вýдим, бессméнно скорпиóн стóйт и кáждый подъём глáзом так и облизывает. Мы тóже поглядываем. Грúзчики на берегу берутся по четыре человéка, таскáют эти тюкí и городят из них штáбель³. Вдруг этот скорпиóн:

¹ Ломóты стрóйт — ломáется, притворяется.

² На мýшке — на прицéле, на примéте.

³ Штáбель — рóвно, в прáвильной фóрме слóженный ряд.

— Эй, эй, несій прýмо в проходнýю тамóжню. Несій, несій, не расскáзыvай.

Хорошó, я замéтил, а то сáми бы мы проморгáли¹,— с кráсным крестóм на углý.

Я в замéтку — Зýев.

Но ужé по всемý парохóду шум: понеслý тюк хлóпка в тамóжню. Сейчás уж чинóвник пришёл на парохóд, приглашáет немéдленно нáшего стárшего помóщника — капитáн в góроде был, на берегý. Ещё двоýх понятых² из комáнды. Бóцман говорит мне: «Ты пойдёшь». И ещё кочegár одýн. Прихóдим. Кóмнатка небольшáя, всегó однá скамéйка по стенé. Два окóшка. В окóшки люди глядя́т. Посредí этóт тюк. Чинóвник стóйт, гúбки облизывает. А скорпиóн весь на взвóде. Шéпчет чинóвнику грóзно что-то в ýxo. Чинóвник уж перед ним так и áхает.

— А, скажíте пожáлуйста! Да уж знаю, знаю, наскóвъз вýдишь, рентгéн!

Ждáли жандáрma. Вот и жандárm! Послáли кочегáра за кусáчками³. Жýво принёс. Наш стárший помóщник говорит:

— Пишите акт, что вот кíпа хлóпка в четырнадцать пудóв, что по вáшему трéбованию, что вы отвечáете.

Чинóвник со смешkóм:

— Па-ажáлуйста, сдéлайте вáше любéзнейшее одол-жéние.

Тут же на скамéйке пáпку расстелíл и пишет.

— Откýпоривай,— говорит помóщник кочегáру.

— Есть!—И кочегár—хлоп-хлóп!—перекусýл óбручí. Кíпа, как живáя, поддалá спинóй и распúхла.

— Режь!

Полоснýл кочегár по джýту, раскрыл: бéлая вáта плóтно лежít, бýдто снег, лопáтой прибýтый.

¹ Проморгáть — прозевáть, проглядéть, не замéтить.

² Понятые — свидéтели.

³ Кусáчки — щипцы для перекýсывания (разрыва) прóволоки.

— Начинáй,— шепотком говорйт чинóвник.

И начал скорпион сдирать слой за слоем эту вáту. Чинóвник тут же крúтится. В óкна столько нарóду нажáло¹, что в кóмнате темнó стáло. Жандáрм два ráза ходíл отпýгивать. А вáты всё больше да больше. Копнёт её скорпион, ломотóк одýн, а начнёт трепáть — глядíшь, óблако вы́росло. Чинóвник уж весь в пуху, пытится. Дорогиé мой! Скорпион ещё и чéтверти кíпы этóй не отодрál — полкóмнаты вáты, и уж окнó загородíло. Он уж в ней по пояс стойт, как в пéне, и уж со злóсти огрызáется, рвёт её клóчьями, ямку посерёдке копáет.

Кочегár говорит:

— Пилу, мóжет, принестí?

Чинóвник как гárкнет:

— Вон отсюда, мерзáвец!

А наш стárший:

— Это как же? Занесíте в акт: оскорбíли понятóго.

Мы ужé к двéри пýтимся, вáта на нас наступáет. Чинóвник вýдит — костíом уж не уберéчь, там же рóбется.

Их уж там не вýдно стáло, как во сне потонули вóвсе. А стárший наш кричит:

— Ничегó не видáть, мóжет, обмáн, мóжет, ещё сáми подлóжите чегó?

Уж и взбеленýлся² чинóвник, выбегáет оттýда: домовоý не домовоý — чúчело бéлое, вáта на нём шéрстью. Эх, тут как заорút ребята:

— Дед-мороз!

Он — назáд. Онý там с досмотрщиком вáту тóпчут, примáть хотят, да где! Онá пýхнет, всю кóмнату завалила, а полкíпы ещё нет.

¹ Н а ж á л о — здесь: налéзло.

² В з б е л е н ý т с я — сильно разозлиться.

Вы́скочил таможенный чинóвник.
— Мерзáвец! — кричít.— Заперéть егó там.
И побежáл домóй. Мальчишек за ним табúн цéлый.
Я на парохóд. К Сéньке: «Где Зуев?» — «Сейчáс был».
Мы тудá-сюдá, нет Зуева. Так бóльше и не видáл егó ни-
кто. Сундучóк егó сдали в контóру. И за сундучкóм ни-
кто не пришёл.

1933

КОМПАС

Было это давнó, лет, пожалуй, тридцать тому назáд.
Порт был пароходами набит — стать нéгде.

Придёт пароход — вся команда высыпáет на бéрег, и остаётся на пароходе один капитáн с помощником, мехáники.

Это морякí забастовáли: трéбовали устро́йства союза и чтоб жáлованья прибавили.

А пароходчики не сдавáлись — посидите гóлодом, так небóсь назáд запрósитесь!

Вот ужé тридцать дней бастовáли морякí. Комитет вы́брали. Комитет бéгал, доставáл поддéржку: дéньги со-биráл.

Впрóголодь сидéли морякí, а не сдавáлись.

Мы бы́ли молодые ребята, лет по двáдцать кáждому, и нам чёрт был не брат¹.

Вот сидéли мы кák-то, чай пíли без сахара и спóри-ли: чья возьмёт.

Алёшка Тýщенко говорít:

— Нет, не сдадутся пароходчики, ничтó их не возь-мёт. У них дéнег мешкí наворóчены. Мы вот чай пустóй пьём, а онí...

Подумал и говорít:

¹ Чёрт был не брат — ничего и никого не боялся.

— А оні — лимонáд.

А Серёжка-Горйлла рычйт:

— Кабы их с этого лимонáду не вспúчило. Трýдцать дней хлóпцы дéржатся, пять ты́сяч нарóду на бульвáре всю траву штанами вытерли.

А Тýщенко своё:

— А им что? Корóв на твоём бульвáре пастí? Напу́гáл чем!

И ковырýет со злости стол нóжиком.

Тут влетáет парníшка. Вспотéлый, всклокоченный. Плёнул в пол, хлóпнул тудá фурáжкой, кричит:

— Онí здесь чай пьют!..

— Лимонáд нам пить, что ли? — говорит Тýщенко и вóлком на него глянул.

А тот кричит бáбым гóлосом:

— Онí чай пьют, а с «Юпítера» дым идёт!

Тýщенко:

— Нехáй¹ он сгорйт, «Юпítер», тебé жáлко?

— С трубы,— кричит,— с трубы дым пошёл!

Тут мы все встáли, и Серёжка-Горйлла говорит:

— Это не дым идёт, а провокáция².

Парníшка плáчет:

— Чёрный! Там двóрники под котláми шевелят. Пошли!

Выскочили мы, пошли к «Юпítеру».

Вéрно, из парохóдной трубы шёл чёрный дым, а кру́гом — и на схóдне, и на прýстани, и на пáлубе — кава́léры в чёрных тужúрках. Рукавá рýсским флагом обши́ты, и на поясе револьвéры.

Не подойт!

— Союзники рýсского нарóда,— объясняет парníшка.

¹ Нехáй (укр.) — пусть.

² Провокáция — умýшленное, предáтельское подстрекáтельство к какýм-нибудь дéйствиям.

Бúдто мы не знаем, что такóе «союз рýсского нарóда» — полицéйская порóда.

Когда мы на бульвар пришли, только и разговóру, что про «Юпитер». Стойт народ, и все на дым смотрят.

Взялся капитáн с двóрниками в рейс пойти, сорвать матрóсскую забастóвку. Капитáн — из «рýсского нарóду», и охрану ему дáли: двáдцать пять человéк. Двóрники не двóрники, а уголь шевелят здóрово. На руль помóщников капитáн постáвит, в машину — мехáников...

— Очень прóсто, что снимутся,— говорит Тýщенко,— а в Bárne загранíчную комáнду возьмут — и дошёл.

Серёжка вдруг оскалился, говорит:

— Не пустим!

— Ты ему соли на корму насыпь,— смеётся Тýщенко.

— Знаем, как насолить,— говорит Серёжка.— Пойдём...— И толкает меня под бок.

Вышли мы из толпы.

Серёжка мне говорит;

— Ты не трус?

— Трус,— говорю.

Он помолчал и говорит:

— Так вот, приходи ты сегодня в оди́ннадцать часóв на Угольную¹, я около трапа² тебя ждать буду. И никому ничего.

Пальцем помахал и пошёл прочь.

Чудак!

Прихожу в оди́ннадцать на Угольную прýстань. Фонари электрические горят, и от прýстани на воду густая тень ложится — ничего не видать под стénкой. Дошёл до

¹ Угольная — угольная прýстань, где корабли гру́зятся углем.

² Трап — лéстница на судáх.

*Тут влетает парнишка:
— Онй чай пьют, а с «Юпитера» дым идёт!*

трáпа, на ступéньках сидít Серёжка-Горíлла. Сел я рядом.

— Что,— спрашиваю,— ты надúмал?

— Полезáй,— говорит,— в тúзик¹ вон у плотá, дорóгой обмозгúем².

Рассмотрéлся, вíжу плот и тúзик.

Пошёл я по плоту,— не видáть, где плот кончáется. Ступíл на воду, как на дóску, и полетéл в бóду. Самомý смешно: шинéль вокрúг менé вéнчиком пláвает, и я— как в розéтке. А водá весéнняя, холóдная.

Я— в туз. Покá вылез, хорошош намóк.

Раздéлся я до белья— и холодно и смешно. Стал гре-стí, согréлся.

— Ну,— говорит Серёга,— начáло хорóшее. А сде-лаем мы вот что: я на «Юпíтере» путевóй кóмпас из нак-тóуза³ выверну и тебе в мешкé спущу.

— А как подойдём? Трап ты спрóсиш у охráн-ников?

— Нет,— говорит,— там ýгольная бárжа⁴ о борт с ним стóйт, какого-нибудь дуракá свалýем⁵.

— Свалýем,— говорю.

И вéсело мне стáло. Гребу я и всё дúмаю, какого там дуракá бúдем валить. Кák-то забыл, что «союзники» там с револьвéрами.

А Серёжка мешóк скрúчивает и верёвку приготáвли-вает.

Обогнúли мол⁶. Вот он, «Юпíтер», вот и баржónка деревéнная прикорнúла с ним рядом. Угольщица.

¹ Т ú з и к — ма́ленькая лóдка.

² О б м о з г о в á ть — обдúмать.

³ Н а к т óу з — ящик со стеклóм, в котором помещáется мор-скóй кóмпас.

⁴ Б á р ж а и б а р ж á — несамоходное грузовóе сúдно.

⁵ Д у р а к á с в а л ý е м — придумаем какую-нибудь хýтрость.

⁶ М о л — выступающая в мóре камéнная стенá в портú или у вхóда в порт для защиты судóв от морских волн.

Гребу смело к пароходу. Вдруг оттуда голос:

— Кто едет?

Ну, думаю, это береговой — флотский крикнул бы:
«Кто гребёт?»

И отвечая грубым голосом:

— Та не до вас, до деда.

— Какого деда там? — уж другой голос спрашивает.

А на такой барже никакого жилья не бывает, никаких дёдов, и всякий гаванский человек это знает.

А я гребу и кричу ворчливо:

— Какого деда? До Опанаса, на баржу, — и проплываю туз между баржей и пароходом.

Серёжка окликает:

— Опанас! Опанас!

С парохода помогают:

— Дедушка, к вам приехали!

Залез я на баржу, с борта прыгнул на уголь и пошёл в нос. А нос палубой прикрыт.

И говорю громко:

— Дедушка, дедушка, это мы. Какой вы сторож! Вас палкой не поднять, — и шевелю уголь ногой.

Смотрю — и Серёжка лежит ко мне.

Чиркнул спичку. А я старикивским голосом шамкаю.

— Та не жгите огня, пожару надёлаете, шут с вами.

Серёжка, дурак, смеется.

— Да, да, не зажигайте спичек, мы вам фонарь сейчас дадим.

И затопали по палубе.

Серёжка говорит мне:

— А чудак ты, дедушка, ей-богу, чудак!

Я выглянул из-под палубы. Смотрю, ужे фонарь волокут.

Я скорей к ним.

К мокрому белью уголь пристал — самый подходящий вид у меня сделался, это я уже при фонаре заметил.

Сидим мы с фонарем под палубой и вполголоса беседуем.

Я всё шамкаю.

— Лезь, — шепчет Серёга, — в туз, а как уйдёт с борта — стукни чуть веслом в борт.

Я полез в туз.

Вдруг Серёга громко говорит:

— Так вода, говоришь, у тебя в носу осталена, девушка?

А я знаю, что он один там, и отвечаю из тюза:

— В носу, в носу вода!

— Так заткни, чтоб не вытекла! Не тебя спрашивают, — говорит Серёга.

На борту засмеялись. А Серёга зашагал по углю в корму. Потом вернулся. Опять прошёл на корму, и всё смолкло.

Смотрю — один только человёк остался у борта.

— Эй, — говорит, — фонарь-то потом верните.

И отошёл. Стало тихо.

Я подождал минут пять и стукнул веслом в баржу. Бережно, но чётко: тук!

И тут заколотилось у меня сердце. Я прислушивался во все уши, но, кроме сердца своего, ничего не слыхал.

Глянул вверх — через щели в барже светит фонарь.

Прошёл человёк по палубе. Перегнулся через борт и спрашивает, как начальник:

— Это что за лодка?

А я чувствую, что скажу слово — голос сорвётся. Молчай.

Он опять. Крикнул ужё:

— Что это за лодка? Эй, ты!

Тут ему кто-то из ихних ответил:

— Это сюда, на бárжу, к старику, свой приехали.

— Агá,— говорит, и отошёл.

Опять стáло тихо. Я уж вверх не гляжу, смотрю по бóрту парохода.

Вдруг что-то вниз ползёт сéroe по чёрному бóрту.

Я зáмер. Дошлó до воды — стáло.

Мешóк.

Вся сýла ко мне вернулась.

Не бráкнул я, не стúкнул. Протянулся тóзом по бóрту вперёд, ухватýл мешóк — здорово тяжёлый! — и осторожно опустíл в туз.

В э́то врёмя туз качнúло: глянул — Серёжка ужé стоит на кормé.

Он по той же верёвке слез, на которой и мешóк опустил.

Я взялся за вёсла и стал потихоньку прогребаться вперёд.

В э́то врёмя с парохода кто-то крикнул:

— Эй, дед, фонáрь давай! Заснúл?

И мы слыхáли, как кто-то спрыгнул на бárжу.

Я чуть принальёг посильнее.

Фонáрь стал метаться по бárже.

На пароходе закричáли, заголосíли.

Бах, бах! — щёлкнули два выстрела.

— Эй, навалíсь!¹

Мы ужé огибали мол. Серёжка оглянулся и сказал:

— Шлюпки за нáми — навалíсь!

Я рванúл раз, два — и прáвое веслó трéснуло, я повалíлся с бáнки².

Вскочíл, смотрю — Серёжка гребёт по-индейски обломком веслá; как он успéл на такóм ходу ухватить обезьяньей хваткой обломок веслá, до сих пор не поймú.

Мы завернули за мол в тёмную полосу под стéнкой и

¹ Навалíсь — здесь: греби сильнее.

² Бáнка — скамья на шлюпке.

забылись между большым пароходом и пристанью, как таракан в щель.

Мы видели, как из-за моля вылетела белая шлюпка. Гребли четверо. Гребли вразброда, беспрестанно. Орали и стреляли.

Через полчаса мы прокрались под стеклом к своей пристани.

Наутро пришли мы с Сережкой на бульвар.

Ещё пуще раздымился «Юпитер».

— Снимается, снимается, анафема¹, — говорят Тищенко.

— Капитан там аккуратист — все уж в порядке.

А тут сбоку подбавляют:

— Лиха беда начать — все пароходы вылезут. Наберут арапов², охрану поставят — иайдя. Завязывай!³

Тут какой-то вскочил на скамейку и начал:

— Товарищи! Не надо паники! Сотня арапов весны не делает, — и пошел и пошел...

А мы с Сережкой переглядываемся.

Снялся «Юпитер». Вышел из порта.

Ну, думаю, через полчаса пойдет капитан курс давать, глянет в путевой компас...

Погудел народ и приуныл. Сели на землю и трут затылки шапками. Всем досада.

Мы с Сережкой ушли, так никому и слова не сказали.

Зашли в трактир, чаем пополоскались⁴.

Дружина прошлась строем, что на охране парохода была.

¹ Анафема — здесь: проклятый.

² Арапов — здесь: нечестных людей.

³ Завязывай — здесь: уходи, бросай работу.

⁴ Чаем пополоскались — здесь: попили чаю.

Серьёзно идёт, волкáми по сторонам смотрят.

Часá три прошлó.

Вдруг вой с бульвáра, да како́й! Ну, думаем, поли-
ция ору́дует на бульвáре.

Бросились бегом.

Смотрим — все стоят, в мóре смотрят и ору́т.

А это «Юпитер» идёт назáд в порт. Увидáл его нарóд,
вой пóднял.

А Серёга мне говорит:

— Смотри же, ни бу́м-бúм, чтоб никтоничего!

Я так до сего врёмени и молчáл.

Ну, тепéрь уж и сказать можно...

1925

НА ВОДЕ

(Шквал)¹

— Провалісь он совсém и со своéй черепíцей вмéсте! — ругáлся матróс Ковалёв.— Этакую тáжесть на пáлубу вáлит!

— Лáдно, сейчáс кончáем, ещё тóлько ты́сяча остáлась,— прохрипéл старýк бóцман, размáзывая кра́сную черепíчную пыль по пóтному лицу.

Жарап стояла неснóсная: был сáмый разгáр южного лéта.

Отправíтель черепíцы с хозяином сúдна спóрили в каюте, и бы́ло слы́шно на пáлубе, как грек-хозяин кричáл:

— Понимáешь ты, я рискую: сúдно перевéс бúдет имéть, сáмая тáжесть свéрху, а ты не хóчешь прибáвить грывенник за ты́сячу!

— Ведь близко, капитáн, два шагá, погóда хорóшая,— пищáл отправíтель со слезой в гóлосе,— ведь чéрез два часá на мéсте бúдете! Прибáвлю пятáк, уж кудá ни шло.

— Продаёшь нас за пятáк! — бубнил² на пáлубе матróс Ковалёв, уклáдывая рядáми черепíцу.— Рванёт хорóший ветерóк — и амба³: лáжем парусáми нá воду.

¹ Шквал — сильный внезáпный порыв вéтра.

² Бубнить — ворчáть.

³ Амба — конéц, все.

— Да что вы, что вы! — испуганно сказала стоявшая рядом женщина.

Она держала за руку девочку лет восьмой. Девочка вертелась и, запрокинув голову, разглядывала высокие мачты и реи¹ судна.

— А очень просто,— серьезно сказал Ковалёв и, оставившись на минуту, сердито взглянул на женщину.— Он не то что нас, он и внучку не жалеет.— И Ковалёв кивнул головой на девочку.— Вот подите скажите ему.

— Да разве ему скажешь?..— прошептала женщина и еще ближе прижалась к себе девочку.

А матроны валили и валили черепицу, укладывали рядами и досками укрепляли ряды.

Боцман глядел на их работу и покачивал головой, что-то про себя соображая. Потом взглянул на небо, прищурился и перевёл взгляд на горизонт. Море, гладкое, без морщинки, как масло, лоснилось на солнце и тоже, казалось, еле дышало от нестерпимого зноя.

— Мёртвый штиль²,— сказал боцман.— Ух, как бы не сорвалась ночкию погода!

— Ничего, ничего,— затараторил хозяин, выходя из каюты,— бриз³, бриз будет, хорошо пойдём. Веселей шевелись! — крикнул он матронам и побежал по палубе зачём-то нагонять отправителя.

Наконец кончили погрузку. Судно «Два друга» оттянулось на середину порта. Ждали ветра. Солнце зашло, а жара не спадала. Все пятеро матросов стояли у борта, курили и сплевывали в воду. В порту зажглись

¹ Рея — подвижной, поперечный брус на мачте, к которому присоединяют паруса.

² Мертвый штиль — полное затишье на море.

³ Бриз — береговой ветер. Днем влажный ветер дует с моря на сушу (морской бриз), ночью — сухой ветер с суши на море (береговой бриз).

огонькý, и кра́сным гла́зом вспы́хнул на ре́йде майк. Кра́сной змеёй извивáлось его отражéние в водé.

— А э́то что у тебе́ в я́щике, Нáстя, ку́клы? — спро-
сил Ковалёв дёвочку.

Большо́й я́щик стоя́л на пáлубе у бóрта, и дёвочка
поминутно в него́ загля́дывала чéрез двéрцу вверху.

— Нет, зáйчик живо́й,— отвéтила Нáстя с гóрдостью.

— Да ну? — сказál Ковалёв и запустíл в я́щик ру́ку.

Он вы́тащил зá уши большо́го зáйца. Дёвочка закри-
чáла и потянúлась рукáми. Но онá сейчáс же успокóи-
лась: матróс лóвко посадíл зáйца на руки и стал бéрежно
глáдить своéй огрóмной ладóнью.

— Вот и жаркóе,— сказál подошéдший сзáди матróс
Дмítрий.

Нáстя испúганно поглядéла на Дмítрия и перевелá
глазá на Ковалёва.

— Не дадíм, не бóйся! — сказál матróс.— Это он
шутит.

— А е́сли бóря бúдет,— спросíла дёвочка,— стрáш-
ная-престráшная, зáиньку захлестнёт волнóй?

— Мы егó тогдá в каюту к дéду занесём,— утешáл её
Ковалёв.

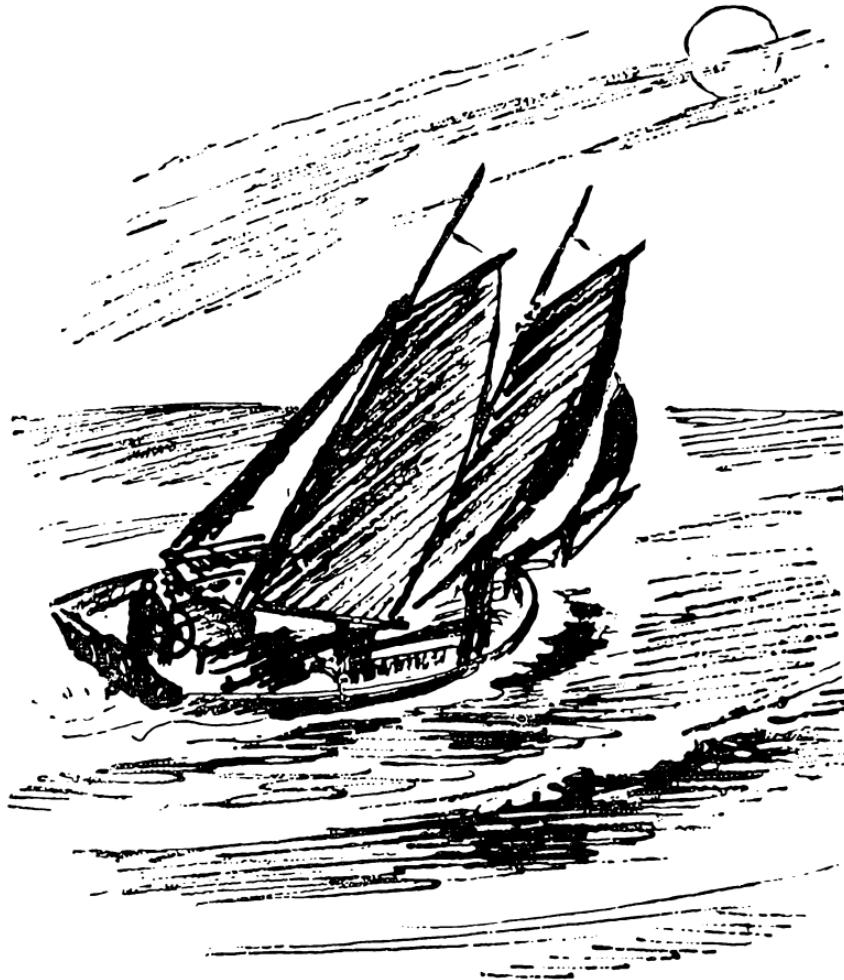
— Ковалёв! — раздáлся гóлос хозяина.— Дмítрий!
Шлóпку на пáлубу!

Ковалёв бы́стро сýнул зáйца обра́тно в я́щик и пошёл
исполнять приказáние. Нáстя тепéрь не отходíла от Ко-
валёва. Ей казáлось, что Ковалёв глáвный: такóй гро-
мáдный и за зáйчика заступíлся.

Шлóпку вы́тащили и вверх дном уложíли на пáлубу
повéрх черепíцы.

Вот жáрким дыхáнием пахnýл с бéрега бриз. Сúдно
ожило. Все зашевели́лись. Матróсы взялýсь за коромы́с-
ло ручного бráшпilla¹ и, порóгиваясь и отдувáясь, вы́ка-
тили я́корь. Постáвили парусá, и «Два дру́га» мéдленно

¹ Бráшпиль — механизм для подъёма якоря.

Судно выпрямилось, перевалилось на другой борт и стало кичаться тяжёлыми и широкими размахами.

прокатилось в ворота порта. Бриз усилился и ходко¹ гнал судно вдоль берега. Вот уже далеко за кормой остался красный глаз маяка. Усталые люди спешили в койки...

Ковалёв стоял на рулё.

— Смотри, Гришка, за ветром! Ненадёжная погода,— говорил ему босман.

Старик поглядывал за борт, стараясь на глаз определить ход судна.

— Чуть что, буди меня, Коваль,— сказал он, оглядывая небо и паруса.— Дойдём до мыса, непременно разбуди. Я пойду сосновый.

И босман зашагал усталыми ногами к кубрику.

Ковалёв остался один. В отворенный люк хозяйственной каюты он видел, как грек что-то писал в засаленной счётной книге.

Обе пассажирки спали тут же на узкой койке. Настя улыбалась во сне.

«Эта зайца своего видит,— подумал Ковалёв,— а дед всё пятак считает».

В это время ветер вдруг прервал своё дыхание, судно выпрямилось, перевалилось на другой борт и стало качаться тяжёлыми и широкими размахами. Но снова подул с берега бриз, и судно, прилёгши на правый борт, побежало по-прежнему.

Ковалёв беспокойно оглянулся горизонту. Справа восходила полная луна. Её диск двумя узкими полосами пересывали облака. Небо посветлело, и на нём тёмным силуэтом вырисовывались паруса судна. Но Ковалёв не отрывал глаз от той части горизонта, откуда выплывала луна. Он стал следить за облаками и ясно увидал теперь, что они идут навстречу ветру, подымаясь из-за горизонта вместе с луной.

¹ Ходко — быстро, быстрым ходом.

Бриз усýлился, и сúдно побежáло быстрéй. Ковалёву казáлось, что онó спешít скорéе в порт, как конь тýнется к дóму, чýя опáсность. Тепéрь рулевóй весь напрягся и чýтко прислúшивался. Вдруг егó ýxo уловíло какóй-то шум, как бýдто отдалённый гул толпы. Шум приближáлся, усýливался и скóро обратíлся в яростный рёв.

— Хозáин,— закричáл Ковалёв,— шквал идёт с подвéтра! ¹

Грек оглянúлся.

— Тридцать дéвять и сóрок пять, тридцать дéвять и... ах, чéрт! — сказáл он и опáть повернúлся к столу.

Ковалёв óпрометью ² бróсился к кúбрику.

Шум рос. Тепéрь ужé казáлось, что бéшеная толpá с рёвом несётся на сúдно.

— Хлóпцы, хлóпцы! — заорáл Ковалёв в люк.— Шквал идёт!

Сóнное лицó бóцмана показáлось из люка.

— Чего орёшь? — бормотáл он спросóнья.

— Шквал! — крикнул Ковалёв, нагнúвшись к сámому ýху старика.— Все навéрх!

Но он не успéл кónчить, как рéзкий порýв вéтра на-летéл на сúдно, вы́стрелом рванúл по парусам, и «Два дру́га» стремítельно повалíлось на лéвый борт. Ковалёв не удержáлся на ногáх и полетéл в люк, увлекáя за собóй по трáпу бóцмана. На пáлубе загрохотáла, зазвéнела черепíца, гúлко стúкнула о борт покатíвшаяся шлóпка; что-то трещáло, лóпалось и стонáло; казáлось, всё сúдно рассéдется на́двоем; волнóй хлынула водá в люк кúбрика.

Шквал сдéлал своё дéло и понéсся дáльше.

Всё э́то совершилось мгновéнно, никто не успéл опóмниться и что-нибудь сообразить. Сóнные люди

¹ Подвéтер; подвéтренныи — обращённый в ту сторону откуда не дýёт вéтер.

² О прометью — очень быстро, стремítельно.

попадали с кбек. Послышались испуганная ругань, проклятья. В тёмной тесноте, по колено в воде, обезумевшие люди барахтались, наступали друг на друга, выли, ругались и молились. Ушибались об упавшие сундуки, пугались в мокрых одеялах, давили друг друга, в ужасе, в смертельном страхе ища дорогу к выходу. А выхода не было.

— Стой! — вдруг покрыл все голоса оклик Ковалёва.

Обезумевшие люди на мгновение замолчали, и стало слышно, как спокойно плещет вода в борт опрокинутого судна.

— Нас перекинуло¹, — сказал Ковалёв, воспользовавшись минутой молчания, — мы не пошли под заныр²: вон как зыбь в борт бьётся.

— Давай топор, — крикнул матрос Христо, — руби дно!

Все бросились искать топор. Но это было нелегко в этом мокром хабсе. Руки судорожно хватались в темноте за всякую палку, принимая её за ручку топора. Мешали двигаться висевший сверху привинченный к палубе стол, тряпье, мокрые подушки, плававшаяся в ногах верёвка.

— Есть, есть! — закричал Дмитрий, ухватив наконец топор.

— Повыше, повыше рубайте! — молил бомбей. — Вот тут!

Но в темноте никто не видал, куда он показывал. Вмиг сломали ящик-кобуру, которая преграждала путь к борту.

Ковалёв взял щуплю из рук Дмитрия топор.

— Рубай, рубай скорее, Гришка! — кричали люди.

Все знали силу Ковалёва. Топор застучал, щепки летели и были в лицо, но все старались протиснуться ближе.

¹ Перекинуло — здесь: перевернуло.

² Под заныр — на дно, под воду.

— Дава́й мне! — крикнул Христо, заме́тив, что Ко-
валёв устáл.

И так, передава́я топóр из рук в руки, люди по очере-
ди что бы́ло си́лы колоти́ли топором, попада́я в нару́б-
ленное ме́сто.

А опроки́нутое сúдно плáвало, находи́вшийся внутрí
вóздух не успéл выйти, так внезáпно егó перевернúло.
И э́тот-то вóздух и держа́л сúдно на повéрхности.

В кубрике станови́лось заме́тно дúшно. Запыхáвши-
ся люди ча́сто дыша́ли и спеши́ли проруби́ть вы́ход на
вóлю, к свéжему вóздуху. Онíй боя́лись задохнúться и
ка́ждую минúту думали, что вот-вóт сúдно начнёт погру-
жáться под вóду.

Ковалёв рубил в свою́ бчередь. Он бил топором из
последних сил и слы́шал по звúку, что немно́го ужé
остава́лось. Сейчáс бúдет дырá. Вот онá. Лунный
свет пробива́лся звёздочкой сквозь ма́ленькое отвéр-
стие.

Ковалёв перевёл дух и хотéл крикнуть товáрищам,
что уж ви́ден свет. Он слы́шал тонкий свист прорвáвше-
гося чéрез ды́рку вóздуха. Ковалёв пристáвил к дырé
мо́кий пáлец: нет, из дыры не ду́ло. Кудá же идёт вóз-
дух? Ковалёв по́нял, что вóздух не вхо́дит в каю́ту.
А ведь слы́шно, как он идёт! Зна́чит, вон из каю́ты выхó-
дит вóздух?.. И вдруг всё сообрази́л. Их каю́та — как
опроки́нутый вверх дном пустóй стакáн: если егó пиха́ть
в вóду, то вóздух в стакáне не даст войти водé; но если
в дне такóго стакáна сде́лать ды́рку, то вóздух уйдёт чé-
рез неё и весь стакáн запóлнит водá.

— Дай топóр! — кричáл Дмýтрий. Он шáрил в тем-
нотé руки Ковалёва.

— Да дава́й же скорéй! — кричáли кругóм.

Но Ковалёв бы́стро схвати́л плáвавшую под ногáми
щéпку и заби́л ёю отвéрстие.

— Стой, хлóпцы! — кричáл Ковалёв.— Не руби!

Дмитрий вырвал из его рук топор. Ковалёв знал, что Дмитрий сейчас ударит, и поймал его за руку.

— Стой! Ударишь — пропали все!

— Рубай! — кричал боярин.

— Нет! Воздух уйдёт! — выкрикивал Ковалёв, удергивая руку Дмитрия. — Вода снизу через люк напирает... её воздух сюда не пускает... Дыра будет... потонем, как мыши... сюда вода зайдёт.

Все замолчали.

— Вот! — Ковалёв выдернул на время щёпку из отверстия и, поймав в темноте чью-то руку, поднес её к дырке.

— Верно! — сказал голос боярина.

— Всё одно рубай! — кричал Христо.

— Хлопцы, — сказал Ковалёв, и все почувствовали, что он что-то важное скажет, и замолкли, — сейчас на воле будем. Вот он, люк, я ногой нашупал. Давай верёвку, я поднырну, а вы по верёвке за мной.

Христо торопливо стал совать ему в руку конец верёвки. Ковалёв сорвал с себя мокрую одежду, быстро сделал на конце верёвки петлю, надёл её через плечо и исчез под водой. Бьёт проклятая верёвка по ногам, мешает плыть; обо что-то острое ткнулся Григорий головой, помутилось на минуту в мозгу, но он всё гребёт руками. Вот он, борт, — Ковалёв стукнулся в него тёменем. Не хватает воздуху — хоть водой дохни. А там, внизу, чуть светлее: это пробиваются лунный свет через воду. Сбросить бы петлю — вмиг на воле. Но Ковалёв изо всей силы дёрнул верёвку к себе и нырнул под борт. Вот уж на той стороне. Оттолкнулся из последних сил ногами от борта — грудь рвется, горло сжимает, вот-вот дохнёт водой.

— Ну, на воле! Вот дохнул-то! — огляделся Ковалёв.

Уже поднявшаяся луна ярко освещала спокойное

мóре. Лёгкий вéтер тянúл к бéрегу. Как брюхом огро́много чудовища, чернело дно опрокинутого корабля. Обломки мачт и реи с парусами плáвали тут же на обрванных снастях.

Ковалёв подплыл к рее и закрепил на ней свою пётлю. Держался за рею и только дышал. Он сейчас ни о чём не думал, а глотал воздух, цéну которому узнал только тепéрь. Странно было думать, глядя на огромный опрокинутый корпус судна, что там внутрí копошатся и рвутся на вóлю живые люди.

Чéрез неско́лько секунд показалась на повéрхности воды голова Христо, а за ним вынырнули остальные.

Шлюпка, полная воды, но цéлая, плáвала неподалёку, запутавшись в снастях.

Матро́сы подплыли к ней.

Ковалёв напрavился на обломке реи к корме, откуда раздавались глухие удары.

— Рубят, ей-бóгу, рубят! — крикнул Ковалёв.

Матро́сы как попало отливали воду из шлюпки и не слушали.

Ковалёв достал конец верёвки из воды, сделал опять пётлю, надел по-прежнему через плечо и нырнул под судно. Нашёпал под водой люк в хозяйственную каюту.

А там и в самом деле рубили. Хозяин-грек отчаянно работал топором, силясь прорубить выход через дно.

Все вздрогнули в капитанской каюте, когда услыхали голос Ковалёва.

— Брось рубить! Пропадёшь! — кричал он греку и хотел впопыхах схватить его руку.

— Оставь! — заорал грек. — Убью!

Ковалёв нáскоро закрутёр свою пётлю за стол.

В темноте он нашёпал женщину. На руках у неё — Настя.

— Давай девочку, а сама за нами по верёвке ныряй под судно.

— Ой, ой! — закричала жёнщина.

Но Ковалёв вырвал из её рук девочку, сгрёб под мышку. Одной рукой зажал ей рот и нос, а другой взялся за верёвку.

Перебирая верёвку одной рукой, он вынырнул с Настей около реи.

Матросы подплывали на шлюпке, пробираясь между обломками снастей. Вслед за Ковалёвым вынырнула и жёнщина.

Все уселись в шлюпку.

Удары изнутри корабля всё яснее и яснее слышались, прерывались на минуту — видно, старик переводил дух — и снова гукали¹ в дно.

— Могилу себе рубаёт, — сказал Ковалёв. — Дорубится и поймёт.

Шлюпка стояла у борта, откуда слышались удары.

Все молчали и ждали. Вот уж совсём близко бьёт топор.

— Заткни дырку, могилу себе рубаешь! — кричал Ковалёв.

Христо что-то часто кричал по-гречески.

— Ныряй, хозяин, под палубу! — кричал Дмитрий.

Но старик или не понимал, или не слышал: рубил и рубил.

И вдруг послышался свистящий вздох. Это из невидимой дырки выходил воздух.

Удары топора брошено забарабанили по борту. Мелкие щепки летели наружу.

— Ай, ай, дедушка, дедушка! — крикнула Настя.

Вдруг стук сразу оборвался. С минуту все в шлюпке молчали.

— Ну, амйнь, — сказал Ковалёв, — пропал старик.

Жёнщина вдруг вскочила, вырвала из рук Дмитрия

¹ Гукали — здесь: стучали.

черпáк и в отчáянии застучáла по дну сúдна. Отвéта нé было.

— Отвáливай! — скомáндовал Ковалёв.

Шлóпка отошлá. Лёгкий вéтер гнал её к бéрегу и по-могáл гребцáм.

— Чегó ты, Нáстя? — спросíл Ковалёв.

Дéвочка плáкала:

— А зáинька? Где зáинька?

— Не плачь,— утешáл матróс,— máма другóго кúпит.

Шлóпка мéдленно двíгалась, греблý чем попáло: вёсла пропáли, их не нашлý.

— Вон, вон чтó-то! — вдруг крикнула Нáстя.

Все поглядéли, кудá укаzывала дéвочка. Чёрное пят-но маячило на водé спрáва.

Подошлý.

Ящик плáвал, слегкá погрузíвшись в воду. Ковалёв засунул рýку и достáл мóкрого, но живóго зáйца.

— Зáинька, вот он, зáинька! — крикнула Нáстя и стáла заворáчивать зáйца в мóкрый подóл.

— Вот ведь: скотíна бессмысленная спаслáсь, а че-ловéк пропáл,— сказáл Дмýтрий и оглянúлся на блестéвшее на лунé осклíзлое брюхó корабля.

Гребцы налеглý: всем хотéлось поскорéе уйтý от по-гýбшего сúдна. Кáждому чýдилось, что грек ещé стучít топорóм по дну.

Чéрез час шлóпка с пассажíрами пристáла к бéрегу.

Все невóльно оглянúлись на мóре. Но там ужé не вíдно было опрокíнутого сúдна.

НАД ВОДОЙ

— Я так мечтала полететь к облакам, а теперЬ боюсь, боюсь! — говорила дама, которую подсаживал в каюту аэроплана толстый мужчина в дорожном пальто.

— ТеперЬ — как по железнай дороже, — утешал её толстяк, — даже лучше: никаких стрёлочников, столкновений, снежных заносов.

За ними неторопливо протискивался военный с пакетами, с толстым портфелем и с револьвером поверх шинели.

Долговязый мрачный пассажир с сердитым, подозрительным видом осматривал аппарат со всех сторон, ничего не понимал, но думал, что всё же надежнее, если самому посмотреть.

Он подошёл к пилоту, который возился у рулей, и спросил сухим голосом:

— А скажите, в воздухе бывают бури? И эти ямы воздушные? Ведь ночью их не видать?

Пилот улыбнулся:

— Да и днём их не видно.

— А если провалимся, то?..

— Ну, пролетим вниз немногого, не беда — мы высокое полетим.

— Ах, очень высокое? — вмешался молодой человек в синей кепке, тоже пассажир. — Это очень приятно! — сказал он храбро. Хотел улыбнуться, но вышло кисло.

Долговязый злобно взглянул на него и ушёл в каюту, где и усёлся рядом с толстяком.

— Э-эй, обормоты! Не разливай бензина! — крикнул пилот мальчишкам, которые наполняли из жестяночек бензинные ба́ки.

— Ладно, чёрт! — сказал один из них и ловко вынул из отверстия ба́ка сечатый стакан, через который лился и фильтровался от сора бензин.

— Теперь ходче пойдёт¹. Чего зря-то мэрзнуть! А засорится мотор — так тебе, дьяволу, и надо, лайся² больше! Сам обормотина! — вполголоса ворчал мальчишка.

Наконец всё было готово, все десять пассажиров сидели по местам. Пора лететь. Механик ещё раз посмотрел, всё ли исправно.

— А что ж, меня-то возьмёшь? — спросил механика ученик Федорчук.

— Нет, ты тут подлётывай. В большой рейс тебя не рукá³ брать. Лучше набрать чего-нибудь, повезти продать пуда четыре.

— Так ведь тут какое ученье! Взяли бы — пригодился бы, может быть.

— Какая от тебя польза? Одно слово — балласт⁴, — отрезал механик.

Но пилоту стало жаль Федорчука.

— Я всё равно никакой спекуляции везти не дам, чего там! Пусть учится. Одеяйся — полетишь!

Федорчук бегом пустился в ангár⁵ одеваться.

Снялся.

Аппарат набирал высоты, выше и выше, шёл к снежным облакам, которые до горизонта обволокли небо

¹ Терпера ходче пойдёт — терпера быстрее потечёт.

² Лайтися — ругаться, браниться.

³ Не рукá — не нужно, некстати.

⁴ Балласт — лишний груз; обуза; здесь: бесполезный человек.

⁵ Ангár — сарай для стоянки самолётов.

плотным куполом. Там, выше этих облаков,— яркое яркое солнце, а внизу ослепительно белая пустыня — те же облака сверху.

Два мото́ра вертёли два винта. За их трёском трудно было слышать друг друга пассажирам, которые сидели в каюте аппарата. Они переписывались на клочках бумаги. Некоторые не отрываясь глядели в окна, другие, наборот, старались смотреть в пол, чтобы как-нибудь не увидать, на какой они высоте, и не испугаться, но они чувствовали, что под ними, и от этого не могли ни о чём больше думать. Дама достала книжку и не отрываясь в неё смотрела, но ничего не понимала.

«А мы всё поднимаемся», — написал на бумагке весёлый толстый пассажир, смотревший в окно, своему обалдевшему соседу.

Тот прочёл, машинал раздражённо рукой, натянул ещё глубже свою шляпу и низко наклонился к полу. Толстый пассажир достал из саквойжа¹ бутерброда и принял спокойно есть.

А впереди, управление, сидели пилот, механик и ученик. Все были тепло одеты, в кожаных шлемах. Механик знаками показывал ученику на приборы: на альтиметр, который показывал высоту, на манометры, показавшие давление масла и бензина. Ученик следил за его жестами и писал у себя в книжечке вопросы корявыми буквами — руки были в огромных теплых перчатках. Альтиметр показывал 800 метров и шёл вверх. Уже близко облака.

«А как в облаках?» — писал Федорчук.

«Чепуха, увидишь», — ответил механик.

Ученик не спешил бояться, хоть никогда в облаках не был. Грёшным делом², он всё-таки подумывал, что

¹ Саквойж — дорожная сумка.

² Грёшным делом — выражение обозначает: хотя это и нехорошо.

непременно должно выйти что-нибудь вроде столкновения. Впереди было совсм туманно, но через минуту аппарат попал в полосу снега, который, казалось, летел не сверху, а прямо навстречу.

Снег залепил окно впереди пилота — внизу ничего не было видно. Пилот правил по компасу, но все так же забирал выше и выше. Стало темнее.

Механик написал Федорчуку:

«Мы в облаках».

Вокруг них был густой туман, и стало темно, как в сумерки. Да и поздно было — оставалось полчаса до заката.

Но вот стало светлее, еще и еще, и яркое солнце совсем на горизонте весело засверкало на залепленных снегом стеклах. Даже пассажиры, что смотрели в пол, приободрились иожили. Сильный ветер от хода аппарата сдул налипший на стекла снег, и стало видно яркую пелену внизу, до самого горизонта, как будто над бесконечной снежной равниной нёсся аппарат.

Пилот смотрел по часам и высчитывал в уме, где они сейчас должны были быть. Солнце зашло. Механик включил свет, и оттого в каюте у пассажиров стало уютней. Все привыкли к равномерному реву моторов и свисту ветра. В каюте было тепло, и можно было забыть, что под аппаратом полторы версты¹ пустого пространства, что если упасть, то борон костей не соберёт², что жизнь всех — в искусстве пилота и исправной работе моторов. Многие совсем развеселились, а толстый пассажир послал всем смешные записки.

Вдруг в рев моторов ворвались какие-то перебои. Пассажиры беспокойно переглянулись. Долговязый побледнел и в первый раз взглянул в окно: оттуда на него

¹ Верста — мера длины, равная 1,06 километра.

² Борон костей не соберёт — выражение обозначает: разобьёшься так, что нельзя будет собрать останков.

глънула пустая темнота, только отражение лампочки тряслось в стекле. Но перебои прекратились, и опять по-прежнему ровным вбоями ревели моторы.

«Не пугайтесь,— писал толстяк,— если и станут моторы, мы спланируем».

«В море»,— приписал долговязый и передал записку обратно.

Действительно, аппарат летел теперь над морем. Механик напряженно слушал рев моторов, как доктор слушает сердце больного. Он понял, что был пропуск, что, вероятно, засорился карбюратор¹ — через него попадает бензин в мотор, а что теперь пронесло², но уже знал, что бензин не чист, и боялся, что засорится карбюратор — и станет мотор.

Федорчук спросил, в чём дело. Но механик отмахнулся и, не отвечая, продолжал напряженно прислушиваться. Ученик старался сам догадаться, отчего это перехнулся мотор. Тысяча причин: магнето, свечи, клапаны — и какой мотор, правый или левый? В каждом моторе опять же два карбюратора. Федорчуку тоже приходило в голову, не засорилось ли.

«Ну,— подумал Федорчук,— будем планировать и чиниться в воздухе».

Но ему было удивительно, почему так перепугался этот знающий механик. Такой он трус или в самом деле что-нибудь серьезное, чего в полете не исправить, а он, новичок, не понимает?

Но тут рев моторов стал вдвое слабее. Пилот повернул руль и выключил левый мотор. Федорчук понял, что правый стал сам.

Механик побледнел и стал качать ручной помпой³

¹ Карбюратор — часть мотора, где пары бензина смешиваются с воздухом.

² Пронесло — здесь: прошло благополучно.

³ Помпа — насос.

воздух в бензинный бак. Федорчук сообразил, что он хочет напором бензина прочистить засорившийся карбюратор, но знал ужে, что это ни к чему. Пилот кричал на ухо механику, чтобы тот шёл на крыло наладить остановившийся мотор.

Альтиметр показывал 1200 метров.

А в каюте встревоженные пассажиры глядели друг другу в испуганные лица, и даже толстяк писал не совсём чётко: рукá его тряслася немногого.

«Мы планируем, сейчас исправят мотор, и мы полетим».

Но мысленно все прибавляли: «Вниз головой в море».

Пассажиры не знали, на какой они высоте. Все боялись моря внизу, и в то же время их пугала высота.

Долговязый пассажир вдруг сорвался с места и бросился к дверям каюты; он дергал ручку, как будто хотел вырваться из горящего дома. Но дверь была заперта снаружи. Дама выпустила из рук книжку, дико, пронзительно закричала. Все вздрогнули, вскочили с мест и стояли бесцельно метаться¹.

Толстяк повторял, не понимая своих слов:

— Я скажу, чтобы летели, сейчас скажу!..

Дама повернулась к окну и вдруг мелко и слабо за барабанила кулаками по стеклу, но сейчас же упала без чувств поперек каюты.

Военный, бледный как полотно, стоял и глядел в чёрное окно остановившимися глазами. Колени его тряслись, он еле стоял на ногах, но не мог отвести глаз. Молодой человечек в синей кепке закрыл лицо руками, как будто у него болели зубы. В переднем углу пожилой пассажир мотал болезненно головой и вскрикивал: «Га-га-га». В такт этому крику всё сильнее дёргалась ручка двери и больше раскачивался молодой человечек.

¹ Метаться — суетливо, в волнении ходить, двигаться в разные стороны.

«Га-га-гá» перешло в исступлённый рёв, и вдруг все пассажиры завыли, застонали раздирающим хóром.

А механик всё возился, всё подкачивал помпу, стукал пальцем по стеклу манометра. Пилот толкнул его лбоком и строго кивнул головой в сторону выхода на крыло. Механик сунулся, но сейчас же вернулся — он стал рыться в ящике с инструментами, а они лежали в своих гнёздах, в строгом порядке. Хватал один ключ, бросал, мотал головой, что-то шептал и снова рылся. Федорчук теперь ясно видел, что механик старался и ни за что уж не выйдет на крыло. Пилот раздражённо толкнул механика кулаком в шлем и ткнул пальцем на альтиметр: он показывал 150.

Сто пятьдесят метров до моря.

Механик утвердительно закивал головой и ещё быстрее стал перебирать инструменты. Пилот крикнул:

— Возьми руль!

Хотел встать и сам пойти к мотору, но механик испуганно замахал руками и откинулся на спинку сиденья.

Федорчук вскочил.

— Давай ключ! — крикнул он механику.

Тот дрожащей рукой сунул ему в руки маленький гаечный ключик. Федорчук вышел на крыло.

Резкий, пронизывающий ветер нес холодный туман; он скользкой корой намерзал на крыльях, на стойках, на проволочных тягах.

— К мотору!

Рискуя каждую секунду слететь вниз, добрался Федорчук до мотора. Тёплый ещё.

Федорчук слышал вой из пассажирской каюты и нащупывал на карбюраторе нужную гайку.

— Вот она!

Скользко стоять, ветер ревёт и толкает с крыла. Вот гайка подалась.

Рискія кάждую минуту слететь вниз, добрался Федорчук до мотора.

— Идёт дёло!

Спешйт Федорчук, и уж слышно, как ревёт внизу море. Ещё минута, другая — и аппарат со всеми людьми потонет в мёрзлой воде.

— Готово!

Теперь гайку на место! Замерзли пальцы, не попадает на резьбу проклятая гайка. Сейчас, сейчас на месте, теперь немногого ещё притянуть.

— Есть! — заорал Федорчук во всю силу своих легких.

Включили электрический пуск, и зажегли моторы. В каюте все сразу стихли и опустились где кто был: на пол, на диван, друг на друга. Толстяк первый пришел в себя и стал подымать бесчувственную даму.

А Федорчук смело лез по крылу назад к управлению. У него весело было на сердце. Порывы штормового ветра бросали аппарат. Федорчук взялся за ручку дверцы, но скользнула нога с обледенелого крыла, ручка выскользнула из рук, и Федорчук сорвался в темную пустоту.

Через минуту пилот злобно взглянул на механика. Тот, бледный, всё еще перебирал инструменты в ящике. Оба понимали, почему нет Федорчука.

1924

ПОД ВОДОЙ

Был ясный, солнечный день. Эскадра, состоявшая из двух дивизионных миноносцев и дивизиона подводных лодок, вышла на манёвры¹ в море. Лёгкий ветер и весёлая зыбь. Совсем по-праздничному. С головного миноносца давали сигналы, и суда перестреливались. Сигналщики, на обязанности которых разбирались и передавались сигналы, во все глаза в бинокли наблюдали за мачтой головного судна, чтобы не пропустить сигнала. А там то и дело подымались и опускались сигнальные флаги. Подводные лодки шли, выставив свою серую спину из воды, как морские чудовища. Как сердце, глухо стучал внутрь каждый дизель-мотор. Сегодня всем было весело, даже кочегары на миноносцах, нагло закупоренные в котельном отделении, как в коробке, чувствовали весёлое напряжение и, хоть не видели, что наверху делалось, знали, что что-то удало затевается и уже никак нельзя подгадить, и все бойко шевелились в жаркой атмосфере кочегарки, поминутно поглядывали на манометр: не упал бы хоть на йоту² пар. На подводных лодках всё было в ещё большем напряжении: каждую минуту ждали приказания погрузиться в воду, и каждому командиру

¹ Манёвры — занятия, учёба в условиях, близких к боевым.

² Йота — самая малая часть.

хотéлось это сдéлать на виду у всей эскáдры пéрвому. Люди стояли по местам. Вот-вóт прикаjут под воду — дíзель-мотор надо остановить и пустить в ход электрический мотор, ток для которого запасён в аккумуляторах; задраить¹ нагло входной люк и выставить из воды перискóп — длинную трубку, этот глаз подводной лóдки: через неё из-под воды можно видеть всё, что делается на поверхности. Вдалí на горизонте едва обозначался силуэт крейсера: там адмирál, он наблюдает за всеми движéниями эскáдры, следит, правильно ли суда выполняют то, что им приказано сдéлать.

Все чувствовали, что дело идёт пока превосходно: суда перестрáиваются быстро и точно, совсем как солдаты на учёне, держат правильные расстояния, все идут одной скóростью, все одинаковые, как игрушек новые, и, кажется, дымят даже одинаково.

Подводной лóдкой № 17 комáндовал лейтенант Я. Он хорошо знал своё судно и надеялся, что теперь он, пожалуй, погрузится вторым; № 11 погружался всегда так, как будто его какая-то рука сразу топила, жутко смотреть — за ним не угнаться. Ну, а другим лейтенант Я. спуску не даст². Комáнда как один. Всем хотéлось не дать промáшки³. По сигналу надо погрузиться и атаковать адмиральский крейсер, затем, не всплывая на поверхность, вернуться в порт. А завтра будет отчёт о манёврах, и целый день можно гулять,ходить к знакомым в городе и рассказывать про эту весёлую прогулку. Мичман⁴, не доверяя сигнальщику, сам тоже смотрел в большой бинокль на мачту главного миноносца, ожидая условленного сигнала. Механик со своими машинистами

¹ Задраить — закрыть.

² Спуску не даст — не уступит; здесь: сдёлает хорошо, лучше других.

³ Не дать промáшки — не ошибиться.

⁴ Мичман — первый морской офицерский чин.

напряжённо ждал команда сверху. Всё было так натянуто, что, кажется, чихни теперь кто-нибудь громко, и все дружно стали бы переводить лодку в подводное состояние.

— Ну что? Есть? — спрашивал лейтенант каждый раз, когда новые флаги появлялись на главном миноносце.

. — Не нам,— вздохнув, отвечал мичман.

— Есть! — вдруг закричал мичман, отрывая от глаз бинокль.

Капитан стал командовать к спуску, но он ещё не договорил команды, как дизель ужё стал и вместо него запёрл, зажужжал электромотор, ужё стали наполняться цистерны¹ балластной водой, всё делалось самое собой: спустился курок напряжённого ожидания, и руки, которые томились² наготове, быстро делали своё дело.

Вот ужё под водой и на столике под перископом шатается на качке мёлкая весёлая картинка моря, бегущих миноносцев, а вон, как точка вдали,— адмиральский крейсер.

Нет, хорошо идут наинчеше манёвры — всем было весело и радостно.

Вот ужё близко крейсер. Теперь надо убрать перископ и идти по компасу в том же направлении. Перископ виден; он торчит всё же из воды, и от него, как усы, в обе стороны расходятся от хода тонкие волны. Ужё подойдя ближе, надо только на минуту его выставить, чтобы проверить своё движение, потом подойти как можно ближе и выпустить миму... конечно, учёбную, холостую.

Кажется, всё удалось. № 17 взял по компасу обратный курс и пошёл к порту. Теперь опять поставили перископ, и ясный день снова заиграл на белом столике.

¹ Цистерна — помещение в подводной лодке, куда заливается для балласта (грязь) вода (балластная вода).

² Томиться — ждать, мучиться от ожидания.

— Ну, молодо́й человéк, поздравляю,— сказа́л пожи-
лой ми́нныи офицéр ми́чману.— Пéрвые манёвры, не так
ли? Чего на часы смóтрите? Уж ждёт вас ктó-нибудь на
берегу? — И он лукáво погрози́л пáльцем.

Ми́чман покраснél и улыбнúлся.

— Нет, на что э́то в порт под водóй? — продолжáл
минёр.— Шутки шутками, а курить до смерти хóчется.
Далеко ещё?

— Я считаю, что ужé не больше чáсу,— сказа́л ми́ч-
ман и посмотрéл на свой часы-браслéт.

Справа вíден был невдалекé перискóп друго́й подвóд-
ной лóдки. Она понемно́гу обгоняла. Ми́чман завидовал
и кáждую мину́ту смотрéл на часы.

— Ну, скажите,— приставáл минёр,— сейчáс на бé-
рег, бéлый кíтель — и на бульвар! Не тéрпится?

Ми́чман отвернúлся, но вíдно бы́ло, что улыба́лся.

Лейтенáнт сохранил спокóйный делово́й вид. Его́ тóже
разбирáло весéлье удачи и рáдовал весёлый вид под пе-
рискóпом, но он сдéрживался, чтобы казáться солíднее.

Его́ интересовáло, какýм он опустíлся: вторýм юли
опоздáл. Он ужé дýмал, что ничегó, ёсли и трéтьим.

Но вот он, порт. Прошли в ворóта. Впереди на якоре
торчít всем кóрпусом из воды́ порóжний коммérческий
парохóд. «Тут пятьдесят фútov¹, парохóд сидйт не боль-
ше двадцати. Есть где пройти под ним,— подумал лейте-
на́нт.— Эх, убрать перискóп и поднырнуть под парохóд!»
Весёлость вырвалась нарúжу. Перискóп убран, рулáми
дáли уклон лóдке вниз и потóм стáли подымáться.

Но в э́то врёмя сráзу ход лóдки замéдлился. Все по-
шатну́лись вперёд. Лейтенáнт вздрóгнул. Минёр вопро-
сительно на него взглянúл.

— Сéли на мель? Так ведь? — спроси́л он лейтенáнта.
Рулíй бы́ли постáвлены на подъём, винт рабóтал, а

¹ Фут — старинная méра длины, равная 30,5 сантимéтра.

прибо́ры покáзывали, что лóдка на той же глубинé. Лейтенáнт вспомнил, что тут в портú глинистое, лíпкое дно; понял, что лóдка своим брюхом влýпла в эту вязкую жíжу. И как ногу тру́дно оторвать от размокшой глинистой дорóги, так лóдке тепéрь почти невозможно оторваться от дна. Лейтенáнт всё это соображал, и как он тепéрь раскаивался, что решíлся, поддавшись весёлости, на э́тот мальчишеский постúпок! Он приказа́л выкачать вóду изо всех цистéрн. Мíчман хотéл показа́ть, что онничéго не бойтся, и вéсело ходíл смотрéть, исполнено ли приказáние лейтенáнта. Но вся комáнда понима́ла, что дéло плохо, и сосредоточенно исполняла приказáния. Лейтенáнт смотрéл на прибо́ры.

Ну хоть бы что двинулось! Прибо́ры покáзывали ту же глубину.

«Нáдо попробовать раскачáть лóдку,— думал лейтенáнт.— Пусть вся комáнда перебегáет из нóса в корму́ и обра́тно. Мóжет быть, тóлько чуть-чуть в однóм ме́сте дéржит её э́та лíпкая дónная грязь».

Комáнда стáла перебегáть из нóса в корму́ и обра́тно, наскóлько э́то позволяло вну́треннее устро́йство лóдки, загорóженное прибо́рами, аппара́тами. Лóдка мéдленно раскачивалась, и лейтенáнту представля́лось, как лíпкая гли́на дéржит в своём цéпком гнездé кру́глое брюхо лóдки и лóдку не оторвать от гли́ны, как не разнять две мóкрые пластíнки стекла.

Стáли раскачивать с бóрта на борт. Лóдка немóго перевáливалась. Старáлись угадáть такт¹, чтобы вóвремя поддавáть, как раскачивают качéли. Но и э́то не помогло. Лейтенáнт смотрéл на прибо́ры, и все по его лицу читáли, что дéло не подви́нулось ни на волос.

— Мы ещё, быть мóжет, больше закáпываемся,— мрачно проворчáл мехáник.

Лейтенáнтничéго не отвéтил. Он, нахмúясь, смотрéл

¹ Такт — здесь: момéнт.

вниз, что́то усиленно сообража́я. Все ждали и смотре́ли на него́. Он чу́вствовал эти взгля́ды и напряжённое ожи́дание, и это меша́ло ему́ спокойно сообража́ть. Он как бу́дто ви́дел сквозь желéзную обшивку лóдки эту лíпкую, полужíдкую гли́ну, которая присоса́ла дно сúдна; хотéлось вы́скочить наружу и вы́ручить сúдно хоть ценой своéй жíзни. Он повернúлся и ушёл в свою́ каю́ту, приказав останови́ть мотóр.

Мехáник посмотре́л сам на прибо́ры.

— Над на́ми всегó двáдцать пять фúтов воды́,— ска-
зál он.

Все молчáли. Слы́шно бы́ло, как шлёпает вверху́ колёсами парохóд. Казáлось, он толóкся¹ на мéсте.

— Букси́р идёт,— шёпотом сказа́л оди́н матро́с.

— Покричí им,— пошути́л кто-то.

Все ждали капитáна. А он сидéл у себя́, в своéй кро-
шечной каю́тке, и не мог сосредотóчить своíх мыслей. Он всé думал о том, что из-за его́ шáлости все эти люди по-
гíбли, что нельзя́ дáже крикнуть «спасáйся, кто мóжет»,
потому́ что никто́ не мóжет спасáться — все они́ плóтно
припáяны ко дну э́тим глинистым грúнтом и не мóгут
вы́рваться из желéзной корóбки. Эта мысль жгла его́ и
тумáнила ráзум.

Ему́ бы́ло бы лéгче, если бы весь экипáж возмутíлся,
если б на него́ набро́сились, стáли бы упрекáть, прокли-
на́ть, а лúчше всегó, если б убíли.

А весь экипáж собра́лся óколо рулевóго управле́ния,
и́зредка шептáлись, кóротко и серье́зно. Мíчман всé по-
сматривал на часы́, но тепéрь не понима́л уж, который
час.

— Ско́лько врéмени? — спроси́л минёр.

Мíчман сно́ва взглянúл на браслéт.

— Четы́ре часá,— сказа́л он, но так напряжённо-спо-
ко́йно, что все поняли, как он бо́ится.

¹ Толóчься — в смы́сле толтáться — не двíгаться вперёд.

— Ну, ещё на час... — начал было механик.

Он хотел сказать «на часхватит воздуху», но спохватился, боясь волновать команду. Но все поняли, что если не спасут их, если не найдут и не вытащат, то вот всего этот час и остаётся им жить.

Тяжёлый вздох пронесся над кучкой людей.

— Что ж капитан? — с нетерпеливой тоской сказал механик. Он раздражался и терял присутствие духа¹.

— Ну что капитан? — сказал задумчиво минёр. — Что капитан? Что он может сделать, капитан?

Мичман стоял красивый, опершись о переборку, и всё смотрел на свой браслет, как будто ждал срока, когда придёт спасение.

— Ведь мы через час задохнёмся. Эй, вы, — раздражённо сказал механик по-английски и дернул мичмана за руку, — пойдите скажите капитану, что остаётся час! Идите сейчас же.

Но в это время сам капитан показался в проходе. Он был бледен как бумага, и лицо при свете электрической лампы казалось совсём мёртвым. Его не сразу узнали и испугались, откуда мог взяться этот человек. Только чёрные глаза жили, и в них блеска боли и решимости.

Все смотрели на него, но никто не ждал приказаний — все забыли об опасности, глядя на это лицо.

— Я пришёл вам сказать, — начал капитан, — что я, я виноват во всём. И не по оплошности², а по шалости, вы сами это знаете, поднырнул — не надо было. Убейте меня.

Он держал за ствол браунинг и протягивал его рукой вперёд.

— Что вы, что вы! — раздались голоса из команды. — Ещё, может, спасут! А не то уж вместе какнибудь.

¹ Присутствие духа — спокойствие, умение сдерживать свой чувства.

² Оплошность — ошибка.

Капитáн с минúту глядéл на комáнду твёрдыми, горячими глазами. Затéм крóто повернúлся и пошёл назáд. Мíчман побежáл вслед за ним.

— Капитáн, не беспокóйтесь... — начал было он.

Но в лицé капитáна нé было беспокóйства.

— Вот, возьмите,— сказáл он, передавáя мíчману судовóй журнáл,— и пишите дáльше.

— Приказáний никаких?

— Я совéтую людям лечь и не двíгаться, тогдá на-дóльше хвáтил вóздуху. Мóжет быть, дождúтся помощи, нас хвáтятся. Берегите вóздух. Пишите, покá бúдет мóжно. Ступáйте.

Мíчман вы́шел и пéредал распоряжéние капитáна. Все мóлча разошлýсь и леглý.

Мíчман сел за стол, раскрыл журнáл.

«...20 июня 1912 гóда в 2 часá 40 мин. пополúдни,— прочёл он напýсанное рукóй капитáна,— я, лейтенáнт Я., командíр подвóдной лóдки № 17, из мальчишеской шáлости, вмéсто тогó чтобы обойтí стоящий в портú парохóд, нырнúл под него и, не успéв подняться, сел на лíпкий грунт, чем и погубил 13 человéк экипáжа. Для спасéния пыта́лся...» Затéм шло описание попыток раскачáть лóдку и замечáние, что комáнда велá себя́ геройски, не упрекнúв его ни слóвом и не выйдя из повиновéния.

«4 ч. 17 мин.,— написáл мíчман,— прýнял журнáл от лейтенáнта Я. Комáнда лежít по кóйкам».

«4 ч. 29 мин. над нáми быстро прошёл винтовóй па-рохóд».

«4 ч. 40 мин. застре́лýлся лейтенáнт Я. в своéй каюте. Прилагáю его запíску:

«Я не имéю прáва дышáть этim вóздухом».

«5 ч. 10 мин. задóхся машинíст Семёнов. Не могу писáть и передаю журнáл мínnому...»

«5 ч. 12 мин.,— писáл минёр,— что-to скребнúло

— Я пришёл вам сказать, что я виноват во всём... Убейте меня...

по кóрпусу сúдна. Комáнда задыхáется. Не могу встать.
Что-то...»

Но тут зáпись прервалáсь нерóвным рóсчерком внизу; очевíдно, перó вы́валилось из рук писáвшего.

А наверху два миноносца тащíли по дну прóволочный канáт, концы которого были привязаны к их кormám. Желéзная пéтля тянúлась по дну и шáрила подвóдную лóдку. С торгóвого парохóда сказáли, что видели перискóп спрáва, потóм он исчéз и сно́ва не показáлся. Сказáли, когда уж по всему порту разнеслáсь весть, что № 17 с манёвров не вернúлся.

Миноносцы быстро шáрили по всему порту, другáя пárтия искáла в мóре по путí эскáдры, пока не дáли знать с торгóвого парохóда. Миноносцы бросились в укаzанное място; все знали, что кáждая минута мóжет стóить жýзни людéй.

На миноносце закричáли, когда увидáли, как натянулся прóволочный канáт, задéв за лóдку. На берегу толpá с напряжéнием следíла за работой миноносцев и ráдостно загудéла, услышав крик. Канáт вы́вернул лóдку из её лíпкого гнездá, и она всплыла на повéрхность. Спéшно заработали мастеровыé, раскóпоривая этот же лéзный склеп. Врачí бросились спасáть; всё ужé было приготóвлено. Не привелí в себя только троíх, средí них и мýчмана. Стráнно было слýшать, как часы всё тýкали на мёртвой рукé.

«МАРИЯ» И «МЭРИ»

Это бы́ло в Чёрном мóре в ноябрé ме́сяце. Рýссская пáрусная шхúна¹ «Марíя» под комáндой хозяина Афа-насия Нечепурéнки шла в Болгáрию с грúзом жмыхóв² в трýме. Былá ночь, и дул свéжий вéтер с востóка, хо-лóдный и с дождём. Вéтер был почтý попútный. Тяжё-лые, намóкшие парусá едвá маячили на тёмном нéбе чёрными пятнами. По ма́чтам и снастям холóдными стрýями сбегáла водá. На мóкрой пálубе бы́ло темнó и скользко. Впрóчем, сейчáс и ходить бы́ло нéкому. Одýн рулемóй стоял у штурвáла и ёжился, когдá холóдная струя попадáла с шáпки за вóрот. В матróсском кúбrike, в носу́ сúдна, в сырóй духотé спáло по кóйкам пять че-ловéк матróсов. Кýсло пáхло махóркой и грáзным чело-вéчым жильём. Мальчишку Фéдьку кусáли блóхи, и ему́ не спалóсь. Бýло дúшно. Он встал, нашúпал трап и вы-шел на пálубу. Он натянúл на голову рвáный бушлáт³ и зашлёпал босикóм по мóкрым доскáм. Слышно бы́ло, как хлéстко поддавáла зыбь в корму́. Фéдька хорошо́ уznáл пálубу за два гóда и в темнотé не спотыкался.

¹ Шхуна — двухма́чтовое или трёхма́чтовое сúдно с косýми парусáми.

² Жмых — остатки семéян масличных растéний по́сле выжи-мания из них масла.

³ Бушлáт — матróсская сукённая кóртка.

Мóре казáлось чёрным, как чернила, и тóлько кое-гдé скáлились бéлые гребешкí.

Фéдька заглянúл в люк хозяйской каóты. Там вспýхивал огонёк папирóсы.

— Эгé! — крикнул Нечепурéнко.— Кто це?¹ Хвéдька? Л ну, ходы!²

Фéдька спустíлся в каóту.

— Хлóпцы огóнь задúли?³ Ну-ну! Жгуть дýрно⁴ керосíн, не в дýмках⁵, что в дерéвне лóди с каганцáми⁶ живутъ.

Огнй нé было не тóлько в кúбrike, но нé были выíставлены и отличительные огнй по бортáм: спáра зелёный и слéва кráсный. По этим огням судá нóчью узнают друг дру́га и избегáют столкновéний.

— Як не спиши?⁷— продолжал хозяин,— то уж не спи: тут мóгут пароходы встрéтиться. Поглядывай в мóре.

Фéдька подошёл к рулевóму.

— Что трясёшься? — спросил рулевóй.— Ямы боíшься?

— Та смерз⁸,— сказал Фéдька.— А какá та яма?⁹

— Не знаешь?

Фéдька много слыхáл рóссказней про яму, не вéрил им, но всё-таки любíл послушать. А нóчью так и побáивался: а вдруг в сáмом дéле есть?

— Немá никакой ямы,— сказал Фéдька.— Ты её видáл?

¹ Кто це? (укр.) — Кто это?

² Ходы (укр.) — иди сюда.

³ Задúли (укр.) — погасили.

⁴ Жгуть дýрно (укр.) — жгут не жалéя.

⁵ Не в дýмках (укр.) — не дýмают.

⁶ Каганéц — светильник, плóшка с мáслом и фитилем.

⁷ Як не спиши (укр.) — если не спиши.

⁸ Та смерз (укр.) — да замёрз, озýб.

⁹ Какá та яма? (укр.) — Какáя эта яма?

— А вот и видáл: там повсегдá¹ зыбь. Ревёт! — аж вóет. Я раз с грéками плáвал, видáл, как сúдно тудá утянуло. Хоп — и áмба!

— Брéшешь! — испугáлся Фéдька.

— Вот чтоб я пропáл! Парохóды затягáет,

— А где ж онá?

— Аккурáт посерéдь мóря. Грéки знают.

— Да врёшь ты! — отмáхивался Фéдька.

— Бéрное слóво. Вот чегó Афанásий не спит? — добáвил рулевóй вполгóлоса.— Накажí меня́ бог, ямы бойтся.

— Фéдька! — крикнул из каюты хозяин.— Смотрай огнí! Уши развéсили! ²

Фéдька стал вглáдываться в темнотú, и действитель-но далекó впередí, спráва, емú показáлся бéлый огонéк. А сам прислúшался, не гудít ли впередí яма.

...Англíйский грузовóй парохóд «Мéри» с пólным грúзом rússкого хléба шéл, направляясь вдоль зáпадного бéрега Чёрного мóря, в Босфóр, чтоб оттúда идти дáльше, в Ливерпúль.

Зелёный и краcный огнí ярко светíлись по бортáм; там горéли сильные электрические лámпы. Ещё одиn, бéлый, огónь горéл на маcте. Этот огónь на маcте нóсят парохóды в отлиcие от пárусных судóв, котóрым парохóды всегdá должны уступáть в мóре дорóгу.

Парохóд был недáвно пострóен, всё быlo нóвенькое, и испráвная машíна рабóтала как часы. На носу сúдна стоял вáхтенный «бáковый» ³ и зóрко смотрéл вперед. Тут же висéл большóй сигнальный кóлокол, котóрым бáковый давáл знать вáхтенному штúрману, когдá пойвится на горизóнте огónь: удáрит раз — знáчит, огónь спráва, два — слéва, три ráза — прýмо по путí парохóда.

¹ Повсегдá (укр.) — всегdá.

² Уши развéсили — зазевáлся, заслúшался.

³ Вáхтенный «бáковый» — дежúрный матróс, стоящий на бáке; бáк — носовая часть вéрхней пálубы кораблý.

Молодо́й помо́щик капитáна, штúрман Юз, был на вáхте и ходíл взад и вперёд по капитáнскому мóстiku.

Вдруг он услýшал три спéшных удáра в кóлокол с бáка. Он глянул вперёд: почтý перед сáмым нóсом парохóда слáбо мигáл зелёный огонёк.

— Лéво на борт! — крикнул Юз рулевóму, и парохóд рéзко покатýлся влéво.

Рéи пárусника едвá не задéли парохóд.

— Четвёртый раз! — ворчáл про себá Юз.— На курс! — скомáндовал он рулевóму.

Рулевóй повернýл штурвáл, закляцала¹ рулевáя машина, и парохóд пошёл по прéжнему направлéнию.

Капитáн Пáркер сидéл на кóжаном дивáнчике в своéй каюте, котóрая помещáлась тут же, у капитáнского мóстика. Две электрические лáмпочки горéли над полирóванным стóликом, на котóром стóяла бутылка вíски² и сифóн сódовой воды. Капитáн курíл из трúбки душýстый английский табáк и запíсывал в свой кóжаный альбóм рýссские впечатлéния. Он боялся, что за длíнную дорóгу забúдет и не сумéет тóлком рассказáть своим ливерпúльским друзьям про Россíю.

«На ýлицах грóмко говорýт, кричáт,— писál он,— на тротуáрах толкáются и не извиняются...»

Бах, бах, бах! — опять раздались три удáра с бáка.

Капитáн Пáркер надéл фурáжку и выскочил из каюты.

— В чём дéло, Юз? Опять? — спросíл он помо́щника.

— Прáво, прáво, ещë прáво! — комáндовал Юз.

Кráсный огонёк совсéм близко проскользнýл мýмо лéвого бóрта.

— Что онí, издевáются? — сказал Пáркер.

¹ Закляцать — застучать.

² Вíски — английская вóдка.

— Мы ведь должны уступать пáруснику по закóну,— отвéтил Юз.

— Но ведь закóн, мýстер Юз, запрещаёт ходить в мóре без огнéй, как пирáты. Или вы считáете прáвильным, когдá огнí внезáпно появляются за три сажéни? ¹ — нази-дательно ² сказáл капитáн.

— Что же, бить? — спросíл Юз.

— Нáдо быть твёрдым, когдá ты прав.

— Конéчно, слéдовало бы проучить,— слáбо замéтил Юз.

— Ну, а раз так, то не меняйте в такíх слúчаях кóрса, Юз,— отвéтил Пárкер.

Капитáн крýто повернúлся и ушёл к себé в каюту.

Артúр Пárкер представил себé, как егó парохóд, глáдко вы́крашенный в красíвый сéрый цвет, горйт яркими элекtriческими огнýми, чýстый, сíльный, гордо идёт средí этих замухрышек пáрусников. Джентльмén в тол-pé дикарéй.

Он вспомнил, как в рýсском портú егó два ráза толк-нúли на ýлице. Он не успéл опóмниться, как ужé обýдчик кудá-то исчéз.

Артúр Пárкер представлял, как он бўдет рассkáзы-вать про э́то в Ливерпúле и как все бўдут ждать, что он сейчáс скáжет, как он сумéл показáть э́тим дикарям, с кем они имéют дéло. А сказáть бýло нéчего. Пárкер сíльно досáдовал на себá.

«Вот и с э́тим пáрусником упóщен слúчай. Этот разý-ня Юз! Нáдо бýло прóсто — трах! Довóльно миндáльни-чать ³, носите огнí в мóре... Какóй был удóбный слúчай проучить э́ту пýблику!» — досáдовал капитáн.

¹ С а ж é н ъ — старинная méра длины, равная 2 метрам 13 сан-тимéтрам.

² Н а з и д á т е л й н о — поучительно.

³ М и н д á льнич а ть — нéжничать, проявлять без основáния излишнюю мягкость.

Пárкер сно́ва вы́шел на мостик. Он надеялся всё-
таки, что вдруг предстáвится ещё такóй же слúчай, и не
рассчýтывал на Юза.

— Онí, кáжется, вас вы́дрессировали, Юз,— ёдко
сказа́л он помо́щнику.— Вы лóвко обхóдите э́тих господ,
юлите, как лакéй в ресторáне.

Юз молчáл и смотрéл вперёд.

— Дядьку,— крикнул Фéдька хозяину,— вже бли́-
ще¹ ого́нь, парохóд аккурáт на нас идёт!

Нечепурéнко вы́сунулся из каюты.

— А такí здорóвый парохóд,— сказа́л он, помол-
чáв,— должно́², с Одéссы, с хléбом. А ты где, Фéдька,
закýнул той стáрый фалýнь?³ С него́ ще дóбры постром-
ки вы́йдут.

— Дядьку! Ой, финáр⁴ давáйте! — кричáл Фéдька.

Он не спуска́л глаз с парохóда, и ему́ ясно бы́ло, что
éсли парохóд чéрез минýту не свернёт, то столкновéние
неизбéжно.

Рулевóй не вы́держал и стал забирáть лéво.

— Що злякáвсь?⁵— крикнул Нечепурéнко.— Дер-
жí, бýсова душá, як булó! Нá сéрники⁶,— обратíлся он
к Фéдьке.

Фéдька вы́рвал из рук хозяина коробóк спíчек и бро-
сился в каюту, нащúпал на стенé фонáрь, чýркнул спíч-
ку — кра́сный. Нáдо прáвый, зелёный. Впопыхáх, дрожá-
щими рукáми Фéдька чýркал спíчку за спíчкой; онí ло-
мáлись, тýхли, он не мог зажéчь нагорéвшей светíльни.

¹ В же бли́ще (укр.) — ужé ближе.

² Должнó — вероятно, должно быть.

³ Фалýнь (укр.) — верёвка, котóрой лóдка привáзывается к
бóрегу или к кораблю.

⁴ Финáр (укр.) — фонáрь.

⁵ Що злякáвсь? (укр.) — Чегó испугáлся?

⁶ Сéрники — спíчки.

Фёдька видел, как с неудержанной силой на них из темноты летел высокий нос парохода.

Горйт! Фéдька с máху захлóпнул двéрцу — фонáрь мигнúл и потúх.

— Не сдавáйсь под вéтер! — слýшал он, как кричál наверху́ хозяин рулевому.

Фéдька сно́ва чýркал спíчки, чýвствовал, что тепéрь уж кáждая секýнда стóит жýэни. Наконéц он выбежал с зелёным огнём на пáлубу и напráвил фонáрь к парохóду.

Парохóд был совсéм бли́зко, и Фéдьке казáлось, что прýмо в упóр глядят кра́сный и зелёный глазá парохóда.

Он услýшал, что там спéшно прóбили три удáра в кóлокол.

— Так держáть! — крикнул Нечепурéнко злым góлосом.

— Так держáть! — раздалáсь жёсткая комáнда по-английски на парохóде.

Не менáя кýрса, «Мéри» шла прýмо на пárusник.

— Лéва, лéва! — завопíл Нечепурéнко.

Но бýло ужé пóздно. Фéдька вýдел, как с неудержí-мой сýлой на них из темноты летéл высóкий нос парохóда, не замечáя их, направляясь в сáмую середíну сúдна. Емý стáло страшно, что парохóд прýмо раздáвит егó, Фéдьку. Он выпustил на пáлубу фонáрь, óпрометью бró-сился к вáнтам¹ и, как обезьяна, полéз на мáчту.

— Гей, гей! — в оди́н góлос крикнули хозяин и руле-вóй, но в тот же почтý момéнт óба слetéли с ног от удá-ра: парохóд с пólного хóда вréзался в сúдно.

Раздáлся страшный хрустя́щий удáр. Фéдьку тряхнú-ло, и он едвá удержáлся на вáнтах. В двух аршинах² от себý он ясно увидáл сéрый кóрпус сúдна; закрыл глазá, скjáлся в комóк и изо всей сýлы уцепíлся за вáнты.

¹ Вáнты — верёвочные лéстницы, которые ведут к вершíне мáчты.

² Арши́н — стáрая рýссская méра длины, равная 71 сантимéтру.

Что-то грохнуло, ударило, мачту покачнуло, и, когда Федька открыл глаза, он увидел удаляющиеся огни парохода, а внизу — он ничего не мог понять — вода была в двух аршинах под ним. Он вскарабкался выше и с ужасом видел, что вода поднимается за ним. Он стал на салинг¹ и обхватил стеньгу², не спуская глаз с воды. Чёрная, слепая зыбь ходила там внизу, но теперь она не шла выше, как будто бы мачта перестала погружаться. Но Федька не верил и не отводил глаз от воды.

Капитан Паркер молчал и глядел вперед, как будто ожидая ещё чего-то. Ему казалось, что это ещё не всё. А «Мэри» всё удалялась от места крушения. Команда выскочила на палубу, все тревожно спрашивали бакового, что случилось.

«Всё правильно, да, да, всё правильно...» — думал Паркер. Он сам не ожидал, что так всё это будет, и теперь испуганная совесть искала оправданий.

— Капитан, там ведь люди остались! — взволнованным голосом сказал Юз.

— Да, да... — ответил Паркер, не понимая слов помощника.

— Право на борт! — крикнул Юз рулевому. — Обратный румб!³

— Есть обратный румб! — торопливо ответил рулевой.

— Да, да, обратный румб, — сказал Паркер, как будто приходя в себя.

Команда без приказаний готовила шлюпку к спуску.

«Мэри» малым ходом пошла назад, к месту крушения. Матросы толпились на баке и, перебрасываясь

¹ Салинг — рама из деревянных брусьев у вершины мачты.

² Стеньга — верхняя часть мачты.

³ Румб — здесь: направление.

тревожными словами, напряжённо вглядывались в темноту ночки.

— Здесь, должно быть,— сказал Юз.

— Стоп, машина! — скомандовал Пэркер.

«Мэри» медленно шла с разгона. Но никто ничего не видел. Пэркер скомандовал, пароход делал круги; наконец всем стало ясно, что места крушения не найти, не увидать даже плавающих обломков в темноте осенней дождливой ночки.

— Найти, непременно найти,— шептал Пэркер,— всех найти, они тут плавают. Они хорошо умеют плавать... Мы всех спасём,— говорил он вслух.— Не так ли, Юз?

Юз молчал.

— Да, да,— отвечал сам себе капитан.

И он крутый, то увеличивая ход, то вдруг останавливая машину. Так длилось около часа.

— На курс,— вполголоса сказал Юз, подойдя к рулевому, и дал полный ход машине.

«Мэри» пошла опять своей дорожкой на юг.

— Ведь за три сажени показались огни, Юз, не правда ли? — сказал Пэркер.

— Не знаю, капитан...— ответил помощник, не повернув головы.

Пэркер ушёл в каюту.

Теперь он думал: «Там остались в море люди... их спасут. Ну, может быть, одногó... он расскажет, а если все утонули, пассажира не так скоро хватятся».

Он старался себя успокоить, вспоминая рассказы товарищей моряков, какие он слышал. Как-то все выходили с победой, и было даже весело и смешно. Он попробовал весело подумать, но случайно увидал свое лицо в зеркале, и ему стало страшно. Ему показалось, что теперь не он ведёт пароход, а Юз везёт его, Пэркера, туда, в Константинополь. Ему казалось, что самое главное — вы-

рваться из этого проклятого Чёрного моря. Прошмыгнуть чéрез Босфор, чтобы не узнали. Проклятый сéрый цвет — все пароходы чёрные. Если б чёрный!.. Ему хотéлось сейчас же вскочить и замáзать этот предáтельский сéрый цвет.

Вдруг Пáркер встал, вы́шел и бы́стро прошёл в штурманскую рúбку, где лежáли морские картины. Чéрез пять минут он подошёл к Юзу и сказáл:

— Ложíтесь на курс норд-вéст, вóсемьдесят семь градусов.

«Мéри» крúто повернúла вправо.

Когда Пáркер ушёл, Юз глянул в картиру: они шли к устью Дунáя.

Рúсский пассажирский пароход возвращáлся из александрийского рейса. Не прекращавшийся всю ночь сильный восточный вéтер развёл большую зыбь. Низкие тучи неслись над морем. Насилу рассвело. Продробгший вахтенный штурман кутался в пальто и вре́мя от вре́мени посматривал в бинóкль, отыскивая Федонíйский маяк¹, и ждал смéны.

— Маякá еще не видáть,— сказáл он пришедшему товáрищу,— а вот там вéха какáя-то.

— Никакóй тут не должно быть.

— Посмотрите.— И он передал бинóкль.

— Да, да,— сказáл тот, посмотрéв.— Да, стóйте, на ней чтó-то... Это ма́чта, прáво, ма́чта.

Доложíли капитáну, и вот пароход, уклонившись от путí, пошёл к этой торчáвшей из воды ма́чте. Скоро вся комáнда узнала, что идúт к какóй-то ма́чте, и все вы́сыпали на пáлубу.

— Побéй менé господь, на ней человéк, чтоб я пропáл! — кричáл какóй-то матрós.

¹ Маяк на острове Федонíси, против устья Дунáя.

Но с мостика в бинокль давно ужे различили человёка и теперь приказали спустить шлюпку. Это трудно было сдёлать при таком волнении, и шлюпку чуть не разбило о борт парохода. Но всем наперерыв хотелось поскорее подать помощь и узнать, в чём дело. Даже бледные от морской болезни пассажиры вылезли на палубу иожили. Пароход стоял совсём близко, и всем ужে ясно было видно, что на салинге торчавшей из воды мачты сидел мальчик.

Все напряжённо следили за нырявшей в зыби шлюпкой. Подойти к мачте так, чтоб кому-нибудь перелезть на неё, нельзя было, а мальчик вниз не спускался: видно было, как кричали со шлюпки и машали руками.

— Умер, умер! — говорили пассажиры. — Застыл, бедняга.

Но мальчик вдруг зашевелился. Он, видимо, с трудом двигал руками, распутывая верёвку вокруг своего тела. Потом он зашатался и плюхнулся в воду около самой шлюпки, едва не ударившись о борт. Его подхватили.

Фёдька был почти без чувств; с трудом удалось вырвать у него несколько слов: «Ночью... серый... нашу «Марии»... с ходу в бок...» Он скоро впал в беспамятство и бессвязно бредил. Но моряк ужे поняли, что случилось, и в тот же день из порта полетели телеграммы: нетрудно было установить, какой серый пароход мог оказаться в этом месте в ту ночь.

Дней через пять после крушения «Марии» чёрный английский пароход пришёл в Константинополь и стал на якоре в проливе. Штурман отправился на шлюпке предъявить свой бумаги портовым властям. Через час к пароходу пришла с берега шлюпка с английским флагом.

— Я бритáнский кónсул¹,— сказál вáхтенному ма-
тробу вы́садившийся джентльмéн,— проводíте менá к ка-
питáну.

Капитáн встал, когда́ в дверя́х ка́боты появíлся гость.

— Я здéшний кónсул. Могú с вáми переговорýть? Вы
капитáн Артúр Пárкер, не так ли?

— Да, сэр...

Капитáн покраснéл и нахмúрился. Он волновáлся и забыл пригласить гóстя сесть.

— Отку́да вы идёте? — спросíл кónсул.

— Мой бумáги на берегу́.

— Мне их не надо, я вéрю слóбу англичáнина.

— Из... Галáца, сэр.

— Но вы шли из Россíи? — спросíл кónсул.— У вас
был груз для Галáца?

— Ремо́нт,— сказál Пárкер. Он с трудом переводíл
дух, и кónсулу жáлко бы́ло смотрéть, как волновáлся
этот человéк.— Мáленький... ремо́нт, сэр... в дóке².

— И там кра́сились? — спросíл кónсул.

Пárкер молчáл.

Кónсул достáл из бумáжника телегráмму и мólча
подал её Пárкеру. Пárкер развернýл бумáжку. Глазá
его бéгали по бýквам, он не могничéго прочéсть, но
вíдел, что э́то то, то сáмое, чéгó он так бóялся. Он уро-
нил рýку с телегráммой на стол, смотрéл на кónсула
и молчáл.

— Мóжет быть, вы отпáвитесь со мной в кónсуль-
ство, капитáн? Вы успокóитесь и объясníтесь,— сказál
наконéц кónсул.

Пárкер надéл фурáжку и стал совáть в кармáны ту-
жúрки вéщи со столá, не понимáя, что дéлает.

¹ Б р и т á н с к и й к ó н с у л — представитель английского пра-
вительства.

² Д о к — портóвое сооружéние для осмóтра и ремо́нта кораблéй.

— Не беспокóйтесь, за вещáми мόжно бúдет послáть с бéрега,— сказáл кónсул.

На пálубе их встрéтил Юз. Он ужé знал, в чём дéло.

— Простíте,— обратíлся он к кónсулу,— онý все...

— Спáсся одíн тóлько мáльчик, он дóма и здорóв,— отвéтил кónсул.— Их бýло вóсемь...

Пárкер вздрóгнул и, обогнáв кónсула, не глядя по сторонáм, быстрыми шагáми напráвился к шлюóпке. Тепéрь он хотéл, чтóбы егó скорéе арестовáли.

На другóй день чёрная «Мéри» вышла в Ливерпúль под комáндой штúрмана Эдуárда Юза.

1924

НИКОЛАЙ ИСАИЧ ПУШКИН

Стойт на пристани пассажиры, ждут парохода.

— Вон, вон, кáжется, «Пúшкин» идёт.

Отвечают портовые лóди:

— Прáвильно, э́то Стратóнов.

Пассажиры:

— «Пúшкин» ведь?

— Ну да: Николáй Исáич.

Пассажиры переглýдаются — вот нéучи¹ какíе морякí: не знают, что Пúшкин — Алексáндр Сергéевич. Николáй Исáич Пúшкин!

А Николáй Исáич стойт на мостике «Пúшкина»,глядит в бинóклъ и рýвкает² из бороды:

— Прáва... ёщё прáва... Так, так держáть!

И знаёт Николáй Исáич, что весь «Пúшкин», от верхушки мачты до днища,— всё э́то он, Николáй Исáич. И что, когда посадит он «Пúшкина» на мель, никто не скáжет: «Пúшкин» напорóлся³, а прáмо бýдут говорить:

— Николáй Исáич на мель сел. Стратóнову скулú помял... пять фýтов воды в трóме.

Сам все э́ти пять фýтов воды ртом бы выпил Николáй Исáич, лишь бы нé было такóго греха.

И так вот всякий капитáн.

¹ Нé уч — невéжда, неучéный человéк.

² Рýвкать — кричáть.

³ Напорóлся — здесь: сел на мель, на камни.

Потому и говорят: «Ерхин снялся, Фёдор с моря идёт».

А в «Фёдоре» этом — десять тысяч тонн, и на носу написано: «Меркурий».

Я сам это понял только тогда, когда первый раз посадил парусник. Дело было просто. Шёл я в свежую погоду у Тенды, ночью. Помощник мой вахту стоял. Вот во времени должна уж быть Тендра. А это, надо сказать, песчаная коса, её и днём-то за двести саженей можно не увидеть. Я вышел и слышу: не та зыбь, метёт прибой, просыпи слышно.

Я говорю помощнику:

— Сейчас в Тенду вопрёмся¹, уваливайтесь под ветер².

А он говорит:

— Приведите к ветру³, лот брошу.

То есть чтобы я поставил судно против ветра, а он смешит, сколько глубины.

А привести к ветру — это, выходит, с ходу ещё сажен двадцать пролететь к берегу.

— Приведите! — кричит помощник.

— На вашу голову?

— Ладно. — И побежал он с лотом на бак.

Я привёл, и ещё ходу не потеряли, как ткнуло в грунт и дрогнуло всё судно. Подняло зыбью и ударило дном. У меня душа оборвалась.

Потом на берегу спрашивали:

— Ты под Тендрой сидел?

— Да, понимаешь, помощник...

Все усмехаются, отворачиваются. И верно. А помощнику что? Сидел-то ведь не он, а я. И с тех пор я уже

¹ Вопрёмся — здесь: натолкнёмся.

² Уваливайтесь под ветер — поворачивайте корабль так, чтобы ветер дул сбоку.

³ Приведите к ветру — поверните корабль носом к ветру.

нáкрепко побýял: не сúдно хóдит, а капитáн. Не сúдно гýбнет, а...

Вот тут-то я вам и расскажу недáвний слúчай с мойм другом-приятелем. Дéло было так.

Ледокóл промышлял во льдах в Бéлом мóре. Промышлял, то есть у него на бортú было душ полторáста промышленников, и ледокóл лáзил меж льдов по свободной водé, шёл тудá, где залёг зверь. Капитáн был молодой, лет тридцатí пять мужчýна. Промышленники его любýли за то, что с ним пойдёшь — всегдá удача. Звéря было «бáлго»¹, и набýли на льди́не тюлéней — бедá скóлько². Бýли и отстáть не могли, в раж вошли³ люди от крóви и от удачи. Такáя жарá пошлá, что капитáн сам не выдержал, сбежál на лёд и садил багрóм тюлéни гóловы.

— Эх, здóрово капитáн завёл! — krásные, в потý и в кровý, хвалили капитáна промышленники.

А с зáпада потянýл ветерóк. Капитáн уж на мéсте и торóпит ребýт:

— Ну, кончáй! Кончáй!

Да как бróсишь? В дёсять лет раз, старики говорят, такáя удача! Не бросáть же, коли самó счастье в рýки лéзет. Отвернись от него, так и онó отворótится. А вест свежáет⁴. Свежáет вест, дáвит на лёд, и вот двинулась льди́на, и дрейфует (дрейфовать — идти без машýны, сильной вéтра) ледокóл у крómки со льдом вмéсте. Помáлу дрейфует к востóку.

Темнеть стáло. Ай и капитáн, ну и капитáн — прýмо счастью в кармáн впёрся! Ещё полчáсика!

— Все на борт, снимáюсь!

Двинул капитáн вдоль крómки: узкой полосой шла, как рекá в ледяных берегáх, свободная водá.

¹ «Бáлго» — много, полно (поморское выражение).

² Бедá скóлько — очень много.

³ В раж вошли — пришли в сильное возбуждение.

⁴ Вест свежáет — западный вéтер усиливается.

Ледокол промышлял во льдах в Белом море.

— Умáялись, ребáта, варí чегó там на úжин!

А капитáн дал пólный ход: надо уйтý из этой щéли, ещё неизвéстно, как там лёд впереди. Чáсом бы рáньше...

— А ну, сбéгай в машíну, скажí там, чтоб шевелíли, скóлько дúху...

И стал капитáн сер्वёзным. Ходíл по мóстику и слýшал, как внизу гомонýт¹ ребáта, какого-то Мýтьку дráзнят: вгорячáх себé в вáленок багróм засадíл. До Мýтьки тут! Хóду, хóду ещё! Вон лёд прáмо по носу. Нет, это не поворót в канáле, а затóр. А мóжет, слáбыЙ лёд? И капитáн замéтил, как помóщник косым взглáдом глянул на негó. Капитáн подошёл к телегráфу и два ráза повернýл рúчку на весь размáх и постáвил на «пólный» — знáчит, дай сáмый пólный. Слýшно бýло на мóстике, как прозвонýл крутым раскáтом телегráф в машíне. Парохóд летéл прáмо в затóр, сейчáс, сейчáс вонзýтся. Парохóд удáрил лёд полóгим форшtéвнем (выступáющее ребró на носу), выскочил, задráлся нос, и сráзу смóлкли голо́сá под мóстиком. Ледокóл влез нóсом на лёд и стал, тýжился² машíной. И капитáн и помóщник, сáми тогó не замечáя, напирáли на планшир³ мóстика, тýжились вмéсте с ледокóлом. Нет! Стоп!

— Назáд!

Машíна стáла, и сно́ва заурчáло в брюхе парохóда. Ледокóл слез, скатýлся форшtéвнем, соскocýл со льда и присéл на минúту нос. Лёд не поддáлся. Два ráза ещё удáрил в лёд капитáн и запыхáлся, помогáя парохóду. Он знал, что назáд вýхода нет и развернýться в úзком канáле нельзя. А внизу опять гудýт, как на ярмарке:

— Мýтька-то в вáленок!.. Ах, чтоб тебé!

И ктó-то кричýт:

¹ Гомонить — громко разговáривать, шумéть.

² Тýжиться — напрягáться, дéлать усíлия.

³ Планшир — вéрхняя часть бóрта.

— Знáчит, дрейфúем! Вались спать, ребята!..

Капитáн сам знал, что придётся дрейфовáть к óсту¹ вмёсте со льдом в э́том ўзком канáле, в ледяной корóбке. И знал капитáн, знал по счислению², что там, спрáва к óсту,— «кóшки Лйтке». Пошёл в штúрманскую, глянул на карту, глянул во всю силу. Да, вот рóвно на ост — «кóшки Лйтке». И сейчáс отли́в, ма́лая водá.

А вест свежáл и свежáл. Стáло темнó; промышиленники уж глúхо гудéли под пálубой, и тóлько две папирóски остро горéли у прáвого бóрта.

Если б мόжно бы́ло ходить пешкóм по дну, хотя бы в водолáзной одéжде, то чегó бы человéк не уви́дел! Как лесá, стоят на камнях вóдоросли, и в них, как птицы, реют рыбы. Вот, как пустыня, лежит песчáная óтмель, и камни, как ежí, сидят, порослý ракúшей. А дáльше гóры. Гóры стоят, как пíки, ухóдят ввысь, и, е́сли взобраться на них, уж рукой пода́ть до нéба — до водяной кры́ши, что ды́шил приливом и отливом кáждые шесть часóв.

И такíе гóры стоят на дне Бéлого мóря. Их нащúпал Лйтке, нанёс на карту, и с тех пор называются онí «кóшки Лйтке».

В полную, приливную вóду мόжет над нíми пройти парохóд, но в отли́в напóрется и раскройт себé брю́хом.

Эти сáмые «кóшки» и бы́ли по прáвому бóрту ледокóла, и был отли́в, то есть бы́ла «крóткая водá»; когда кончится отли́в, дóлжен начáться прили́в.

Капитáн знал э́то. Знал, что в ўзком канáле он бúдет дрейфовáть до сáмых «кóшек»; что е́сли он брюхом упрётся в «кóшки», то чéрез минúту лёд слéва подойдёт к бóрту вплотнúю, напрёт, напрёт неодолíмо, как е́сли бы бéрег, сам матерíк надви́нулся на негó,— напрёт в борт

¹ Ост — востóк.

² Пo счи́слéнию — по расчётом.

и поло́жит ледокóл ма́чтами на́ воду, и тогдá — амíнь.
Звать по ráдио на помо́щь? Кто же пробьётся к нему́, ко́гда он, ледокóл, не мо́жет вы́биться? Только раззвонить по свéту... чтоб лю́ди смея́лись и враги́ ráдовались. И он знал, что вот скóро-скóро царапнет дном.

Приказа́л держа́ть пólный пар и ушёл в каюту. По-сиде́л на кóйке, всё смотрéл на свой больши́е ру́ки.

«Поло́жит на́бок парохóд... поло́жит...»

Где «кóшки»? И спиной чу́вствовал, что там, сза́ди него́ под водóй, подо льдом, стоя́т э́ти «кóшки» и ждут. Ско́лько до них? Нельзя́ знать, тут дéло не в сажéнях. Поглядéл в альманáх (астрономи́ческий спáровочник). И без карандаша́ в уме́ считáлось самó до секунды — сейчáс идёт прили́в, только начался. И капитáн натúжи-вался, помога́л поднимáться водé, кáждый дюйм¹ воды бýдто сам, своéй натúгой подыма́л. На парохóде бы́ло тýхо, и только слýшно бы́ло под нýзом, как гудít дина́мо, качáет свет. Свéжий вест дра́ил² по мостику. А ýxo бы́ло всё внизу́, там, у дна, где должны́ царапнуть кáмни. Капитáн перестáл гляде́ть на часы́ и считáть дюймы, а слúшал.

Вот! Чýркнуло. На парохóде спокóйно, никтó не слýшал. Капитáн вы́тянул я́щик и вы́нул кольт³.

Кáмни тепéрь пойдúт вы́ше и вы́ше... Но бежйт водá на помо́щь оттúда, из океáна, чéрез гóрло Бéлого мóря. Поспéет ли?

Ух, заскребло как, заскрежета́л ктó-то зубáми. И по-шатнúло ледокóл. И вон голосá на пálубе. Помо́щник прошага́л мýмо двéри, но не стýкнул в дверь... Опять! Покренíлся чуть... Пронеслó... Кричит ктó-то на пálубе:

— На лéд, да и пойдём, ёщё как пойдём-то, кудá с добрóм! Телегráмму даст... Всех сníмут. Да к маякý

¹ Дюйм — старинная мéра длины, равная 2,5 сантимéтра.

² Дра́ил — здесь: сильно дул.

³ Кольт — револьвéр.

зашага́ем, что по землë. Погодí скакáть, трап спúстим.

Гудáт, тóпают. Тепéрь дáже вéсело кричáт. Все на пálубе... Мехáник óколо дверéй говорýт:

— Так вы спросíте: тушýть, что ли, котлы? А то я на лéд — и марш.

И góлос помóщника:

— Спрашáйте сáми... А я спрашивáть не стáну. Вóна скóлько уж наро́ду на льдú-то!

И óба отошлí чéрез минúту.

Опáть! Опáть! И в отвéт загудéло на пálубе, но капитáн слышал тóлько, как сíлится, скребётся ледокóл дном по камéньям. Капитáн взял в рýку кольт. Нéт, поддуváет, поддуváет водá... а в упóр к бóрту стойт лéд.

Нéту! Нéту! Ужé пять минúт, мóжет быть, нéту... Капитáн взглянúл на часы. Если ещé пять минúт не бóдет...

И нé было. Капитáн глянул на себя в зéркало. Он был кráсен весь, лицом и шéей, в оди́н рóвный багровый цвет. Не узнавáл кráсного человéка и от глаз не мог отoрвáться: сам на себя смотрéл.

Потóм, не бráкнув, сýнул кольт в ящик и аккуратно притворýл. Вы́шел на мóстик. Всходíла кráсная лунá.

— Определíться? — спросíл помóщник.

— Всех я вас уж определíл, кто чегó стóит, — сказáл капитáн и сам взял секстáнт (астрономíческий прибóр) из штúрманской.

А ýтром стал брýться и увидáл, что виски седые,

МЕХАНИК САЛЕРНО

I

Итальянский пароход шёл в Америку. Семь дней он плыл среди океана, семь дней оставалось ходу. Он был в самой середине океана. В этом месте тихо и жарко.

И вот что случилось в полночь на восьмые сутки.

Кочегар шёл с вахты спать. Он шёл по палубе и заметил, какая горячая палуба. А шёл он босиком. И вот голую подошву жжёт. Будто идёшь по горячей плитё. «Что такое? — подумал кочегар. — Дай провёрю рукой. — Он нагнулся, пощупал. — Так и есть — очень нагрета. Не может быть, чтобы с вечера не остыла. Неладно что-то». И кочегар пошёл сказать механику. Механик спал в каюте. Раскинулся от жары. Кочегар подумал: «А вдруг это я зря, только кажется? Заругает меня механик: чего будишь, только уснёл».

Кочегар забоялся и пошёл к себе. По дороге ещё раз тронул палубу. И опять показалось — вроде горячая.

II

Кочегар лёг на койку и всё не мог уснуть. Всё думал: сказать, не сказать? А вдруг засмеют? Думал, думал, и стало казаться всякое, жарко показалось в каюте, как

в духóвке. И всё жárче, жárче казáлось. Глýнул кругóм— все товáрищи спят, а двóе в кárты игрáют. Никтóничéгo не чýёт. Он спросíл игрокóв:

— Ничегó, ребята, не чýете?

— А что? — говорýт.

— А врóде жárко.

Онý засмея́лись.

— Что ты, пérвый раз? В этих местáх всегдá так.
А ещё стáрый моря́к!

Кочегár крякнул и повернúлся на бок. И вдруг в гóлову удáрило: «А что как бедáидёт? И нау́тро ужé поздно бúдет? Все пропадём. Океán кругóм на ты́сячи вёрст. Потóнем, как мы́ши в ведré».

Кочегár вскочíл, натянúл штаны и вы́скочил навéрх. Побежál по пálубе. Онá емýещё горячéй показáлась. С разбéгу стýкнул мехáнику в дvéри. Мехáник тóлько мычáл да пыхтéл. Кочегár вошёл и потолкáл в плечó. Мехáник нахмýрился, глýнул сердýто, а как уви́дел лицó кочегáра, кríкнул:

— Что случíлось? — и вскочíл на ноги.— Опять там подрали́сь?

А кочегár схватíл егó за руку и потянúл вон. Кочегár шéпчет:

— Попрóбуйте пálубу, синьёр Салéрно.

Мехáник головóй спросóнья крútит—всё спокóйно кругóм. Парохóд идёт рóвным хóдом. Машина мурлы́чет мýрно внизý.

— Рукóй пálубу трóньте,— шéпчет кочегár; схватíл мехáника за руку и прижал к пálубе.

Вдруг мехáник отdёрнул rýku.

— Ух, чёрт, вéрно! — сказáл мехáник шéпотом.— Стой здесь, я сейчáс.

Мехáник ещё два ráза пощúпал пálубу и бы́стро ушёл навéрх.

Вéрхняя пáлуба шла навéсом над нижней. Там былá каюта капитáна.

Капитáн не спал. Он прогуливался по вéрхней пáлубе. Поглядывал за дежурным и помощником, за рулевым, за огнями.

Мехáник запыхáлся от скóрого бéга.

— Капитáн, капитáн! — говорít мехáник.

— Что случилось? — И капитáн придвигнулся вплотную, глянул в лицо мехáнику и сказál: — Ну, ну, пойдёмте в каюту.

Капитáн плотно зáпер дверь. Закрыл окнó и сказál мехáнику:

— Говорите тíхо, Салéрно. Что случилось?

Мехáник перевёл дух и стал шептáть:

— Пáлуба очень горячая. Горячее всегó над трóмом, над сréдним. Там кíпы с прýжей и эти бóчки.

— Тсс! — сказál капитáн и пóднял пáлец. — Что в бóчках, знаем вы да я. Там, вы говорíли, хлóристая соль? Не горючая? (Салéрно кивнúл головóй.) Вы сáми, Салéрно, замéтили эли вам сказáли? — спросíл капитáн.

— Мне сказál кочегár. Я сам прóбовал рукóй. — Мехáник трóнул рукóй пол. — Вот так. Здброво...

Капитáн перебýл:

— Комáнда знаёт?

Мехáник пожáл плечáми.

— Нельзя, чтобы знали пассажíры. Их двéсти пять человéк. Начнётся пáника. Тогда мы все погибнем раньше, чем парохóд. Нáдо сейчас провéрить.

Капитáн вышел. Он покосýлся на пассажíрский зал. Там ярко горéло электричество. Нарядные люди гуляли мýмо óкон по пáлубе. Они мелькали на свету, как бáбочки у фонаря. Слýшен был весёлый говор. Какáя-то дáма гróмко хохотáла.

— Идт́ спокóйно,— сказál капитáн мехáнику.— На пáлубе — ни звúка о трóме. Где кочегár?

Кочегár стоял, где приказáл мехáник.

— Давáйте грáдусник и верёвку, Салéрно,— сказál капитáн и закурíл.

Он спокóйно осмáтривался кругóм. Какóй-то пассажíр стоял у бóрта.

Капитáн зашага́л к трóму. Он урони́л папирóску. Стал поднимáть и тут пощúпал пáлубу. Пáлуба была нáгрéта. Смолá в пазáх лíпла к рукé. Капитáн вéсело обругáл окúрок, кíнул зá борт.

Мехáник Салéрно подошёл с грáдусником на верёвке.

— Пусть кочегár смéрит,— приказáл капитáн шéпотом.

Пассажíр перестáл глядéть зá борт. Он подошёл и спроси́л больным гóлосом:

— Ах, что э́то дéлают! Зачéм, простíте, э́та верёвка? Верёвка, кáжется?— И он стал щýуть верёвку в рукáх кочегáра.

— Ну да, верёвка,— сказál капитáн и засмейáлся.— Вы думали, змей? Это, вíдите ли...— Капитáн взял пассажíра за пúговку.— Идí,— сказál капитáн кочегáру.— Это, вíдите ли,— сказál капитáн,— мы всегдá в путí мérim. С пáлубы идёт трубá до сáмого дна.

— До дна океáна? Как интересно!— сказál пассажíр.

«Он дурáк,— подумал капитáн.— Это сáмые опасные люди».

А вслух рассмейáлся:

— Да нет! Трубá до дна парохóда. По ней мы узнаём, много воды в трóме или нет.

Капитáн говорíл сúщую прáвду. Такие трубы были у кáждого трóма.

Но пассажир не унимался.

— Значит, пароход течёт, он дал течь? — вскрикнул пассажир.

Капитан расхохотался как мог громче:

— Какой вы чудак! Ведь это вода для машины. Её нарочно запасают.

— Ай, значит, мало осталось! — И пассажир заломил руки.

— Целый океан! — И капитан показал за борт.

Он повернулся и пошёл прочь. Впопытках он заметил пассажира.

Роговые очки, длинный нос. Белые в полоску брюки. Сам длинный, тощий.

Салерно чиркал¹ у трюма.

V

— Ну, сколько? — спросил капитан.

Салерно молчал. Он выпучил глаза на капитана.

— Да говорите, чёрт вас деря! — крикнул капитан.

— Шестьдесят три, — еле выговорил Салерно.

И вдруг сзади голос:

— Святая Мария, шестьдесят три!

Капитан оглянулся. Это пассажир, тот самый, Тот самый, в роговых очках.

— Мадонна путана!² — выругался капитан и сейчас же сделал весёлое лицо. — Как вы меня напугали! Почему вы бродите один? Там наверху веселее. Вы поссоились там?

— Я нелюдим, я всегда здесь один, — сказал длинный пассажир.

Капитан взял его под руку. Он был пошлый, а пассажир всё спрашивал:

¹ Чиркать — зажигать спички.

² Мадонна путана — итальянское ругательство.

— Неужéли шестьдесáт? Бóже мой! Шестьдесáт? Это ведь прáвда?

— Чего́ шестьдесáт? Вы ещё не знаёте чего́, а расстрáиваетесь. Шестьдесáт три сантимéтра. Этого вполнé хвáтит на всех.

— Нет, нет! — мотáл головóй пассажíр.— Вы не обмáнете! Я чýвствую.

— Вýпейте коньякú и ложйтесь спать,— сказáл капитáн и пошёл навéрх.— Такие всегда гýбят,— бормотáл он на ходú.— Начнёт болтáть, поднýмет тревóгу. Пойдёт пáника.

Много слúчаев знал капитáн. Страх — это огóнь в солóме. Он охватит всех. Все в оди́н миг потеряют ум. Тогдá люди ревут по-зверíному. Толпóй мéчутся по пálубе. Бросáются сótнями к шлюóпкам. Топорáми рýбят рýки. С вóем кидáются в вóду. Мужчíны с ножáми бросáются на жéнщин. Пробиваюt себé дорóгу. Матрóсы не слýшают капитáна. Дáвят, рвут пассажíров. Окровáвшенная толпá бьётся, ревёт. Это бунт в сумасшéдшем дóме.

«Этот дли́нный — спíчка в солóме», — подумал капитáн и пошёл к себé в каюту. Салéрно ждал егó там.

VI

— Вы тóже! — сказáл сквозь зúбы капитáн.— Вýпутили глазá — утóленник! А этого болváна не уви́дели? Он суётся, носится за мной. Нос свой ты́чет, ты́чет.— Капитáн ты́кал пáльцем в вóздух.— Он всю́ду, всю́ду! А нет егó тут? — И капитáн откры́л двéри каюты.

Бéлье брюки шагнули в темнотé. Стáли у бóрта. Капитáн зáпер дверь. Он показáл пáльцем на спíйну и сказáл зло:

— Тут, тут вот он. Говорите шёпотом, Салéрно. Я бýду напевáть.

— Шестьдесát три грáдуса,— шептál Салéрно.— Вы понимáете? Зnáчит...

— Грáдусник какóй? — шепнúл капитáн и сно́ва замурлыкал пéсню.

— С пенькóвой кíстью¹. Он не мог нагréться в трубé. Кисть былá мóкрая. Я бы́стро подымáл и тóтчас гля́нул. Пустítъ, что ли, вóду в трóум?

Капитáн вскýнул рýку:

— Ни за что! Соберётся пар, взорвёт люки.

Кто-то трóнул рýчку двéри.

— Кто там? — крикнул капитáн.

— Мóжно? Минúту! Оди́н вопрос! — Из-за двéри всхлýпывал дли́нный пассажíр.

Капитáн узнáл гóлос.

— Зáвтра, дружóк, зáвтра, я сплю! — крикнул капитáн.

Он плóтно держáл дверь за рýчку. Потушíл свет.

Прошлá минúта. Капитáн шёпотом приказáл Салéрно:

— Пéрвое: дáйте кораблю сáмый пólный ход. Не жа-лéйте ни котлóв, ни машíны. Пусть её хватит на три дня. Нáдо дéлать плоты. Вы бúдете распоряжáться рабóтой. Идёмте к матróсам.

Они вы́шли. Капитáн осмотрéлся. Пассажíра нé бы-ло. Они спустíлись вниз. На нижней пáлубе беспокóйно ходíл пассажíр в бéльых брюках.

— Салéрно,— сказал капитáн на ухо мехáнику,— занимáйте этого идиóта чем угóдно! Что хотíте! Играите с ним в чехардú! Анекдóты! Врýте. Но чтобы он не шёл за мной. Не спускáйте с глаз!²

Капитáн зашагáл на бак. Спустíлся в кúбrik к ма-трóсам. Двóе бы́стро смахнúли кárты на пáлубу.

¹ Пенькóвая кисть — кисть из волокнистого стéбля конопли.

² Не спускáйте с глаз — не теряйте из вýда, следíте за ним все врéмя.

— Буди́ всех! Всех сюдá! — приказа́л капитáн.— Только тýхо.

Вскóре в кúбrik собра́лось восемна́дцать кочегáров и матróсов. С тревóгой глядéли на капитáна. Молчáли, не шептáлись.

— Все? — спроси́л капитáн.

— Остальныé на вáхте,— сказа́л бóцман.

VII

— Воéнное положéниe! — крéпким гóлосом сказа́л капитáн.

Люди глядéли и не двíгались.

— Дисциплíна — вот.— И капитáн стýкнул револьвéром по столу. Обвёл всех глазáми.— На парохóде пожár.

Капитáн вýдел: бледнéют лíца.

— Горйт в трýome нóмер два. Тушить пóздно. До опáсности осталось три дня. За три дня сдéлать плоты. Шлюпок мáло. Работу покáжет мехáник Салéрно. Его слýшаться. Пассажíрам говорить так: капитáн наказа́л за игрú и дráки. Сболтнý кто о пожáре — пúля на méсте. Мéжду собой — об этом ни слóва. Пóняли?

Люди тóлько кивáли головáми.

— Кочегáры! — продолжа́л капитáн.— Спасéнье в скóрости. Не жалéть сил!

Капитáн поднялся на пálубу. Глúхо загудéли внизу матróсы. А впереди капитáн увидáл: Салéрно стоя́л перед пассажíром. Старик мехáник вýпятил живóт и покáчивался.

— Уверяю вас, дорогой мой, слýшайте,— пыхтéл мехáник,— уверяю, это в Алжíре... ей-бóгу... и арапки... тáнец животá... Вот так!

Пассажíр мотáл нóсом и вскрикivaл:

— Не вéрю, ведь ещё семь сútок плыть!

— Клянусь мощами Николая-чудотворца! — Механик задыхался и вертел животом.

— Поймал, поймал! — весело крикнул капитан.
Механик оглянулся.

Пассажир бросился к капитану.

— Все там играли в карты. И все передрались. Это от бездействия. Теперь до самого порта работать. Выдумайте им работу, Салерно. И потяжелее. Бездейственники все они! Все! Пусть делают что угодно. Стругают. Пилят. Куят. Идите, Салерно. По горячему следу¹. Застегните китель!

VIII

— Идемте, синьор. Вы мне нравитесь... — Капитан обхватил пассажира за талию.

— Нет, я не верю, — говорил пассажир упрямко, со слезами. — У нас есть пассажир. Он — бывший моряк. Я его спрошую. Что-то случилось. Вы меня обманываете.

Пассажир рвался вперед.

— Вы не хотите сказать. Тайна! Тайна!

— Я скажу. Вы правы — случилось, — сказал тихо капитан. — Станемте здесь. Тут шумит машина. Нас не услышат.

Капитан облокотился на борт. Пассажир стал рядом.

— Я вам объясню подробно, — начал капитан. — Видите вы вон там, — капитан перегнулся за борт, — вон вонда бьет струей? Это из машины за борт.

— Да, да, — сказал пассажир, — теперь вижу.

Он тоже глядел вниз. Придерживал очки.

— Ничего не замечаете? — сказал капитан.

Пассажир смотрел все внимательнее. Вдруг капитан присел. Он мигом схватил пассажира за ноги. Рывком

¹ По горячему следу — сейчас же, сразу.

Капитан мыйом схватыл пассажира за ноги. Рывком запрокинул вверх и толкнул за борт.

запрокинул вверх и толкнулся за борт. Пассажир перевернулся через голову. Исчез за бортом. Капитан повернулся и пошёл прочь. Он достал сигару, открыл кончик. Отплёнулся на сажень. Ломал спички, пока закуривал.

IX

Капитан пошёл наверх и дал распоряжение: повернуть на север. Он сказал старшему штурману:

— Надо спешить на север. Туда, на большую дорогу. Тем путём ходит много кораблей. Там можно скорее встретить помощь.

Машина будто встрепенулась. Она торопливо вертела винт. Пароход заметно вздрогивал. Он мелко трясся корпусом — так сильно вертала машина.

Через час Салерно доложил капитану:

— Плоты готовят. Я велел ломать деревянные переборки. Сейчас машина даёт восемьдесят два оборота. Предохранительные клапаны на котлах заклещены. Если котлы выдергат... — И Салерно развел руками.

— Тогда постараитесь дать восемьдесят пять оборотов. Только осторожно, осторожно, Салерно. Машина сдаст, и мы пропали. Люди спокойны?

— Они молчат и работают. Пока что... Их нельзя оставлять. Там второй механик. Третий — в машине. Фу!

Салерно отдувался. Он снял шапку. Сел на лавку. Замотал головой. И вдруг вскочил:

— Я смерю, сколько градусов.

— Не сметь! — обозвал капитан.

— Ах да, — зашептал Салерно, — этот идиот! Где он? — И Салерно огляделся.

Капитан не сразу отреагировал.

— Спит. — Капитан кратко свистнул в свисток и приказал вахтенному: — Третьего штурмана ко мне!..

— Слушайте, Гропани, вам двадцать пять лет...

— Двáдцать три,— попрáвил штúрман.

— Отли́чно,— сказál капитáн.— Вы мóжете прýгать на однóй нóжке? Ходíть колесóм? Скóлько есть сíлы, за-бавляйте пассажíров! Игра́йте во все дура́цкие йгры! Чtóбы сюдá был слýшен ваш смех! Ухáживайте за дá-мами. Вывáливайте все вáши глóпости. Кричíте петухóм. Лáйте собáкой. Мне наплевáть. Тréтий мехáник вам в по-мощь, на весь день. Я вас научу, что врать.

— А вáхта? — И Гропáни хихíкнул.

— Это и есть вáша вáхта. Всю вáшу дúрость сýпьте. Как из мешká. А тепéрь спать!

— Есть! — сказál Гропáни и пошёл к пассажíрам.

— Кудá? — крикнул капитáн.— Спать!

X

Капитáн не спал всю ночь. Под ýтро приказáл спу-стить грáдусник. Грáдусник показáл 67. «Вóсемьдесят пять оборóтов»,— доложíли из машíны. Парохóд трясясь как в лихорáдке. Вóлны крутым бугróм расходíлись от нóса.

Сóлнце взошлó спráва. Рáнний пассажíр вы́шел на пáлубу. Посмотрéл из-под руки на сóлнце. Вы́шел тóл-стенький аббáт¹ в жёлтой рýсе. Онí говорíли. Покáзыва-ли на сóлнце. Оба пошли к мóстику.

— Капитáн, капитáн! Ведь сóлнце взошлó спráва, онó всходíло сзáди, за кормóй. Вы измени́ли курс. Прáвда? — говорíли в два гóлоса и пассажíр и свя-щénник.

Гропáни бы́стро взбежáл навéрх.

— О, конéчно, конéчно! — говорíл Гропáни.— Впе-редí Саргáссово мóре. Не знаéте? Это морской огорóд. Там вóдоросли, как змéи. Онí опýтают винт. Это прýмо

¹ Аббáт — католíческий свящеñник.

похлёбка с капустой. Вы не знали? Мы всегда обходим.
Там завязло несколько пароходов. Уж много лет.

Пожилая дама в утреннем платье вышла на голоса.

— Да, да,— говорил Гропани,— там дамы хозяйничают, как у себя дома.

— А есть-то что? — спросила дама.

— Рыбу! Они рыбу ловят! — спешил Гропани.— И чай. Они чай наловили. Они у них несутся. Цыплят выводят. Как куры. И петух кричит: «Ку-ка-ре-ку!»

— Вздор! Вздор! — смеялась дама.

А Гропани бил себя в грудь и кричал:

— Клянусь вам всеми спиртными напитками!

Пассажиры выходили на палубу. Вертящий испанец суетился перед публикой.

— Господи, пока не жарко, партию в гольд! — кричал он по-французски и вертел чёрными глазами.

— Будьте мужчины,— говорил испанец и тряс за руку Гропани,— приглашайте дам!

— Одну партию до кофе! Умоляйте! — Испанец етал на колени и смешно шевелил острыми усами.

— Вот так и будете играть,— крикнул Гропани,— на коленях!

— Да! Да! На коленях! — закричали дамы.

Все хотели. Испанец делал рожи, смешивал всех и кричал:

— Приглашайте дам!

Гропани поклонился аббату и сделал руку кренделем:

— Прошу.

Аббат замахал рукой.

— Ах, простите, я близорук.

Всем стало весело. Кто-то притащил клюшки и большие шашки. Началась игра; на палубе начертали крестики. Клюшками толкали шашки.

— Сего́дня осо́бенно тря́сёт,— вдруг сказа́л испа́нец.— Я чу́вствую колéнками. Не пра́вда ли?

Все мину́ту слу́шали.

— Да вы посмотри́те, как мы идём! — крикну́л Гропáни.

Публика хлынула к бóрту.

— Это секре́т, секре́т,— говори́л Гропáни; он пoднял пáлец и прищúрил глаз.

— Матéо! — крикну́л Гропáни вниз.— Скорéй, скорéй, бегом!

Третий ме́ханик бы́стро появил́ся снизу. Он бы́л ма́ленький, чёрный. Совсéм обезья́нка. Он бежа́л легкó, се-менил нóжками.

— Гой! — крикну́л Гропáни, и ме́ханик с разбéгу прыгну́л чéрез испа́нца.

Все захлóпали в ладóши.

— Слу́шай, секре́т можно сказа́ть? — спроси́л Гропáни.— Нам не влети́т?

— Беру́ на себя́,— сказа́л ма́ленький ме́ханик и улыбну́лся бéлыми зубáми на тёмном лицé.

Все обсту́пили моряко́в. Испáнец вскочи́л с колéн.

— Наш капитáн,— нача́л тýхим гóлосом ме́ханик,— чéрез два дня именíнник. Он всегда останáвливает паро-хóд. Все выхóдят на пáлубу и должны поздравля́ть ста-рикá. Часá три стойм все, поздравля́ем, всё равнó, дáже в шторм. Вот он и велит гнать. А то опоздáет в порт. Чудачи́на-старичи́на! И катáнье како́е-то затева́ет, морскóй пикни́к,— совсéм тýхо прибáвил ме́ханик.— Тóлько, чур, молчóк! — И он волосатой рукóй при-кры́л рот.

— Ох, интересно! — говори́ли дáмы.

Буфéтчик звони́л к кóфе.

Мехáник и Гропáни отошли к бóрту.

— У нас в кочегárке,— быстрым шёпотом сказál
мехáник,— перебóрка нагréлась — рукá не téрпит. Как
утóг. Понимáешь?

— А трюм нельзя открыть,— сказál Гропáни.— Вой-
дёт вóздух, и сráзу всё вспыхнет.

— Как дúмаешь, продéржимся два дня? Как дúма-
ешь? — Мехáник глянул в сáмые глазá Гропáни.

— Пожáр, мόжем задохнúться в своём дымú,— ска-
зál Гропáни,— а впрóчём, чёрт его знаёт.

Онý пошлý на мóстик. Капитáн их встрéтил.

— Идите сюдá,— сказál капитáн.

Он потащил мехáника зá руку. В каюте он показáл
емú маленькую рулéтку¹, нóвенькую, блестяющую.

— Вот шáрик.— Капитáн поднёс шáрик к нóсу мехá-
ника.— Пусть крúтят, бросáют шáрик, пусть играют на
дéньги. Говорíте — это по секréту от капитáна. Тогдá
онý бúдут сидеть внизу. Мужчíны хотá бы... Дáмы ни-
чего не замéтят. Возьмíте, не потеряйте шáрик! — И ка-
питáн ткнул рулéтку мехáнику.

Тréтий мехáник вышел на пáлубу. Официáнты игрáли
на скрипках. Две páры ужé танцевáли.

XII

Комáнда рабóтала и разбиráла эмиgráнтские нáры.
Под пáлубой было жáрко и дúшно. Люди раздéлись,
мóкрые от пóта.

— Ни минúты, ни секунды не терять! — говорíл ста-
рý Салéрно; он помогáл срывáть тóлстые брусья.— По-
тóм покýрите, потóм! — пыхтéл старýк.

— Ну, чего́ стал? — крикнул Салéрно молодóму
матрóсу.

¹ Рулéтка — устройство для азáртной игры — враращающийся
круг с нумерóванными лóнками, по которому катится шáрик, покá
не попадёт в какýю-нибудь лóнку.

— Вот оттого и стал! — во всю глóтку крикнул молодой матроc.

Все на миг бросили рабóту. Все глядéли на Салéрно и матróса. Стáло тíхо. И стáло слýшно весёлуу мýзыку.

— Ты э́то что же? — сказáл Салéрно; он с ключом в рукé пошёл на матróса.

— Там танцуют, а мы тут кишкí рвём! — Матróс подáлся вперёд с топором в рукé.— Давáй их сюдá! — кричáл матróс.

— Бéрно, прáвильно говорйт! — загудéли матróсы.

— Комý плоты? Нам шлóпок хватит.

— А плоты пусть сáми себé дéлают.

Все присúнулись¹ к Салéрно, кто с чем: с молотком, с топором, с долотом. Все кричáли:

— К чёрту! Довольно! Бáста! Остановить парохóд! К шлóпкам!

Один ужé бросился к трáпу.

— Стóйте! — крикнул Салéрно и пóднял руку.

На миг затíхли. Остановились.

— Брáтья матróсы! — сказáл с одышкой старíк.— Ведь там пассажíры. Мы взялись их свезти... А мы их... выйдет... выйдет... погубим... Онí ведь ехать сéли, а не тонуть...

— А мы тóже не горéть нанялись! — крикнул молодой матроc в лицо мехáнику.

И молодой матроc, растолкаv всех, бросился к трáпу.

XIII

Капитáн слýшал крик. Он спустíлся на нижнюю пáлубу. Шёл к мостiku и прислóшивался.

«Бунт,— подумал капитáн.— Онí бьют Салéрно. Пропáло всё. Уймý, а нет — взорвú к чёрту парохóд, пропадай всё прóпадом!»

¹ Прису́нуться — придвигнуться.

И капитан быстро зашагал к люку.

Вдруг навстречу матрос с топором. Он с разбегу ткнулся в капитана. Капитан рванул его за ворот. Матрос не успел опомниться, капитан столкнул его в люк. По трапу на матроса напирал народ. Все стояли и смотрели на капитана.

— Назад! — рявкнул капитан.

Люди попятались. Капитан спустился вниз.

— Чего смотреть?! — крикнул кто-то.

Народ встрепенулся.

— Молчать! — сказал капитан. — Слушай, что я скажу.

Капитан стоял на трапе выше людей. Все на него глядели. Жарко дышали. Ждали.

— Не будет плота — погибли пассажиры. Я за них держу ответ перед миром и совестью. Они нам доверились. Двести пять живых душ. Нас сорок восемь человек...

— А мы их свяжем, как овец! — крикнул матрос с топором. — Клянусь вам!

— Этого не будет! — крепко сказал капитан. — Ни один мерзавец не тронет их пальцем. Я взорвут пароход!

Люди загудели.

— Убейте меня сейчас! — Капитан сунулся грудью вперед. — И сунетесь только на палубу — пароход взлетит на воздух! Всё готово, без меня есть кому это сделать. Вы хотите погубить двести душ — и женщин и малых детей. Даю слово: погибнете вместе. Все до одного.

Люди молчали. Кто опустил вниз злые глаза, а кто глядел на капитана и кивал головой.

Капитан с минуту глядел на людей.

Молодой матрос вскинул голову, но капитан заговорил:

— Плоты́ почт́и гото́вы. Их осталось сбрать и сдё-
лать ма́чты. На шесть часо́в рабо́ты. У нас ведь есть
сутки. Двадцать четы́ре часá. Пассажи́ры в водé — это
дёти. Они́ узнают о несча́стье — они́ погу́бят себя́. Нам
вручил их жизнь. Товари́щи моря́к! — громко крикнул
капитáн. — Лучше поги́бнуть честным человéком, чем
жить прохвóстом! Скажите только: «Мы их погу́бим», —
капитáн обвёл всех глаза́ми, — и я сейча́с пущу́ себé пулью
в лоб. Тут, на трáпе. — И капитáн сунул руку в кармáн.

Все загуде́ли глúхо, бúдто застонали.

— Ну так вот, вы — честные люди, — сказа́л капи-
тáн. — Я знал это. Вы устали. Выйпейте по буты́лке кра́с-
ного вина. Я прикажу́ выдать. Кончайте скорее — и
спать. А наши дёти, — капитáн кивну́л навéрх, — пусть
играю́т, вы их спасёте, и бúдет навéки вам слáва, моря-
кам Италии. — И капитáн улыбну́лся. Улыбну́лся вéсело,
и вмиг помолоде́ло лицо.

— Бráво! — крикнул молодой матро́с.

Он гляде́л на капитáна. Капитáн быстрыми шага́ми
взбега́л по трáпу.

— Гропáни! — крикнул капитáн на пálубе. Штурман
бежа́л навстрéчу. — Идите вниз, — говори́л капитáн, —
рабо́тайте с ними во всю мочь! И по буты́лке вина всем.
Сейча́с. Там танцу́ют? Лáдно. Я пришлó за вами, в слу́-
чае стáнут скучáть. Ну, жи́во!

— Есть! — крикнул Гропáни и бегом бро́сился к лю́ку.

XIV

Капитáн прошёл в своёю каю́ту. Он сел на кóйку, сжал
кулаки́ со всей сíлой и подпёр бокá. «Держа́ться, держа́ться, —
говори́л капитáн, — что есть сил держа́ться! Сутки одни́, одни́ только бы сутки!» И нискóлько не лéг-
че станови́лось капитáну. Он знал: не за сутки, а за оди́н
час, за мину́ту всё мо́жет поги́бнуть. Крикнет э́тот матро́с

с топором: «Пожар!» — и готово. «Дали им винаград?» — подумал капитан и вскочил на ноги. Но тут влетел в каюту Салерно. Старик осунулся в эти два дня. Он схватил капитана за плечи, стал трястый. Тряс и все глядел в глаза, и лицо у старика кривилось и вдруг совсем сморщилось, и он заплакал, заревел в голос. Он с размаху сел на скамейку и уткнулся лицом в подушку.

— Что ты? — Капитан первый раз заговорил с ним на «ты». — Что ты? Салерно...

Капитан повернулся, взялся за ручку двери. Старик встрепенулся.

— Минуту! — говорил старик.

Он задыхался, схватил графин и пил из горлышка.

Обливаясь. Другой рукой он держал капитана.

— Ведь я умрь подлецом, — говорил старик сквозь слезы. — Пожар не потухнет. В этих бочках, ты не знаешь, — в них бертолетова соль!

— Как? — спросил капитан. — Ведь ты сказал — хлорноватая какая-то соль...

— Да, да! Это и есть бертолетова. Я не соврал. Но я знал, что ты не поймешь.

— Я спрашивал ведь тебя: не опасно? А ведь это — взрыв!..

— Нет, нет, — плакал старик, — не взрыв! Её нагревает, она выпускает кислород, а от него горят. Сильней, сильней всё горят. — Старик умоляюще глядел на капитана. — Ну, просты, просты хоть ты, господи! — Старик ломал руки. — Никто, никто не простит... — И Салерно искал глазами по каюте. — Мне дали триста лир¹, чтобы я устроил... дьявол дал... эти двадцать бочек. Что же теперь? Что же? — Салерно глотал воздух ртом. — Инсайд святой, милый, дорогой...

— Идите к аббату, приложитесь к его рясе. Нет?

¹ Лира — денежная единица в Италии.

Тогдá вот револьвéр — стрелáйтесь! — сказáл капитáн и бráкнул на стол бráунинг.

Старíк водíл вы́пученными глазáми.

— Тóже не хотíте? Тогдá умрýте на рабóте. Марш к комáнде.

— Капитáн,— хрíпло сказáл Салéрно,— на грáдуснике... вчера было не сéмьдесят вóсемь, а вóсемьдесят сéмь...

Капитáн всkýнул бróви, вздróгнул.

— Я не мог сказáть...— Старíк рúхнул с кóйки, стал на колéни.

Капитáн с размáху удáрил старика по лицу, вы́шел и пристúкнул за собóй дверь.

XV

Капитáн взял верёвку с грáдусником. Он сам смéрил температúру — было 88 грáдусов.

Мáленький мехáник подошёл и сказáл (он был в однóй сéтке, мóкрой от póта):

— На перебóрке кра́ска закудрявилась, барáшком пошлá, но мы поливáем... Полнó páру... Люди задыхáются... Рабóтаем мы со вторýм мехáником...

Капитáн подошёл к кочегárке. Глянул свéрху, но сквозь пар не мог уви́деть. Слýшал тóлько — лáзгают лопáты, стýкают скребкý. Мáленький мехáник шагнýл за трап и пропáл в пару.

Сólнце садíлось. Кра́сным óтсветом горéли бурунý по бокáм парохóда. Чёрный дым густóй змеёй валíл из трубы. Парохóд летéл что есть сíлы вперёд. В трóме парохóда горéл смертéльный огóнь. Пассажíры приятно пéли испáнскую пéсню. Испáнец махáл рукóй. Все на негó смотрéли, а он стоял на табурéте вы́ше всех.

— Споёмте молитву,— говорил испанец.— Его преподобию будет приятно.

Испанец дал тон.

Капитан быстро пошёл вниз, к матросам.

— Сейчас готово! — крикнул навстречу Грапани.

Он, голый до пояса, долбил долотом. Старик Салерно, лохматый, мокрый, тесал. Он без памяти тесал, зло садил топором.

— Баста! Довольно уж! — кричал ему судовой плотник.

Салерно, красивый, мокрый, озирался вокруг.

— Еще по бутылке вина,— сказал капитан.— Выпить здесь — и по койкам. Двое — в кочегарку, помогите товарами. Они в адъ. Вахта по часу.

Все бросили инструменты. Один Салерно всё стоял с топором. Он ещё два раза тянул по бревну. Все на него огляднулись.

Капитан вышел на палубу. На трюме в пазах стеня пошла пузырями. Они надувались и лопались. Смола прилипла к ногам. Чёрные следы шли по палубе.

Солнце зашло.

Яркими огнями вспыхнул салон; оттуда мирно мурлыкал пассажирский говор.

Грапани догнал капитана.

— Я доложу,— весело говорил Грапани,— очень здорово, то есть замечательные плоты, говорю я... а Салерно...

— Видел всё,— сказал капитан.— Готовьте провизию, воду, флаги, ракеты. Фальшфайер¹ не забудьте. Сейчас же...

— А Салерно чудак, ей-богу! — крикнул Грапани и побежал хлопотать.

¹ Фальшфайер — сигнальная ракета.

Нóчью капитáн пошёл мерить температóру. Он мерил каждый час. Температóра медленно подходила к 89 гра-дусам. Капитáн осторожно прислушивался, не гудит ли в трóме. Он приложил ухо к трóмному люку. Было горячо, но капитáн терпéл. Было не до того. Слúшал: нет,ничегó — это урчит машина. Её слышно по всему парохóду. Капитáну начинáло казаться: вот сейчáс, чéрез минуту, парохóд не выдержит. Взорвётся люк, полыхнёт плáмя — и конéц: крики, вой, кровавая кáша. Почём знать, дотéрпит ли парохóд до утrá? И капитáн снова щúпал пáлубу. Попадáл в жíдкую горячую смолу в пазах. Снова мерил гра-дусником ужé кáждые полчасá.

Капитáн нетерпeliвыми шагами ходíл по пáлубе. Глядéл на часы. До рассвёта было ещё далекó. Внизу Гропáни кóпорил в бóчки сухарí, консéрвы. Салéрно во-зýлся тут же. Он слúшал Гропáни и со всех ног исполнял егó приказы. Как мáльчик, старик глядéл на капитáна, бúдто хотел сказать: «Ну, прикажи скорее, и я в воду бróшусь!»

Около полуночи капитáну доложíли — двойх вынесли из кочегárки в óбмороке. Но машина всё вертéлась, и парохóд летéл напрямíк к тóрной дорóге¹.

Капитáн не мог присéсть ни на миг. Он ходíл по всему парохóду. Он спустýлся в кочегárку. Там в горячем пару звáкали двéрцы тóпок. Плáмя выло под котлáми. Распáренные люди изо всех сил швыряли уголь. Не попадáли и снова с ожесточéнием кидали. Ругáлись, как плáкали.

Капитáн схватíл лопáту и стал кидать. Он задыхáлся в пару.

— Валáй, валáй, сейчáс конéц,— говорíл капитáн.

¹ Тóрная дорóга — проéзжая дорóга; здесь: путь, по которому обычно хóдит много кораблéй.

Гáйки закрыли. Капитáн вылез навéрх. Ему показáлось хóлодно на пálубе. А это что? Какие-то фигúры в темнотé вóзятся у шлюпки.

Капитáн опустил руку в кармáн, нашупал браунинг. Подошёл. Три матро́са и кочегáр вывáливали шлюпку зá борт.

— Я не прика́зывал готовить шлюпок,— тихим гóлосом сказа́л капитáн.

Они молчáли и продолжáли дéло.

— На таком ходу шлюпки не спустить,— сказа́л капитáн чуть громче.— Погибнете сáми и загубите шлюпку.

Капитáн сдёрживал сéрдце: нельзя подымáть трéвогу.

Матро́сы вывалили шлюпку зá борт. Оставáлось спустить.

Двóе сéли в шлюпку. Двóе других готовились спускаться.

— А, дьявол! — вскрикнул оди́н в шлюпке.— Нет вёсел. Они запрýтали вёсла и парусá. Всё. Давай вёсла! — крикнул он в лицо капитáну.— Давай!

— Не орь,— сказа́л тихо капитáн,— выйдут люди, они убýют вас!

И капитáн отошёл в сторону. Он вíдел, как люди вылезли из шлюпки. До рассвёта оставáлось три часá. Капитáн уви́дел ещё фигúру: приглядéлся — Салéрно. Старик, полуугóлый, шёл шатáясь.

Он шёл прáмо на капитáна. Капитáн стал.

— Салéрно!

Старик подошёл вплотнýю.

— Что мне тепéрь дéлать? Прикажите.

Салéрно глядéл сумасшéдшими глазáми.

— Одéньтесь, — сказа́л капитáн, — причешйтесь, умойтесь. Вы бýдете передавáть детéй на плоты.

Салéрно с сéрдцем маxнýл кулакáми в вóздухе.

Капитáн зашагáл на бак. По дорóге он сно́ва смéрил: было почтý 90 гráдусов.

Капитáну хотéлось подогнáть сóлнце. Вýвернуть егó рычагом навéрх. Ещё 2 часá 45 минút до свéта. Он прошёл в кúбrik. Бóцман не спал. Он сидéл за столом и пил из кружки вóду. Люди спáли головой на столе, не мно́гие в кóйках. Свéсили руки, ноги, как покóйники. Кто-то в углú копáлся в своём сундучкé. Капитáн поманил пáльцем бóцмана. Бóцман вскочíл. Тревóжно глядéл на капитáна.

— Вот порýдок на ýтро,— тýхо сказáл капитáн. И он стал шептáться над ýхом бóцмана.

— Есть... есть...— приговáривал бóцман.

Капитáн быстро взбежáл по трáпу. Ему не терпéлось еще смéрить. Гráдусник с верёвкой был у него в рукé. Капитáн спустíл его вниз и тóтчас вытянул. Глядéл, не мог найтý ртúти. Что за чёрт! Он взял рукой за низ и отдернул руку: пеньковая кисть обварíла пáльцы. Капитáн почтý бегом поднялся в каюту. При электрíчестве увидал: ртуть упёрлась в сáмый верх. Гráдусник лóпнул. У капитáна захватíло дух. Дробнули колéни пéрвый раз за всё это врёмя. И вдруг нос почувствовал зáпах гáри. От волнéния капитáн не расчýял. Откуðа? Озиráлся вокrúg.

Вдруг он увидал дымóк. Лёгкий дымóк шёл из рук. И тут капитáн увидал: тléет местáми верёвка. И сráзу понял: трубá раскалилась докрасná в трóме. Пожár дошёл до неё.

Капитáн приказáл бóцману поливáть пáлубу. Пустить вóду. Пусть всё врёмя идёт из шлánга. Тут под трóром пар шёл от пáлубы. Капитáн зашёл в каюту Салéрно. Старíк переодевáл рубáху. Вынырнул из вóрота, увидал капитáна. Зáмер.

— Даите хýмию,— сказáл капитáн сквозь зýбы.— У вас есть хýмия.

Салéрно схватíл с полки книгу — однý, другýю...

— Хýмии... хýмии... — бормотáл старýк.

Капитáн взял книгу и вышел вон.

«Мóжет ли взорвáть?» — беспокóйно дúмал капитáн. У себя в каюте он листáл книгу.

«Взрывáется при удáре,— прочёл капитáн про берто-лётову соль,— и при внезáпном нагревáнии».

— А вдруг там попадёт так... что внезáпно... А, чёрт!

Капитáн заёрзal на стýле. Глянул на часы: до рассвéта оставáлось двáдцать семь минút.

XVII

Остановить парохóд в темнотé — все пассажíры про-снúтся, и в темнотé бýдет кáша и бой. А в какýю минуту взорвётся? В какýю из двадцатí семí? Или соль выпу-скáет кислорóд? Прóсто кислорóд, как в школе на урóке хýмии?

Капитáн дёрнулся смéрить, вспомнил и тóпнул с сéрд-цем в пálубу.

Тепéрь капитáн как закаменéл: шёл твёрдо, крéпким шагом. Как живáя стáтуя. Он прошёл в кúбrik.

— Будí! — сказáл капитáн бóцману.— Двойх на ле-бёдки! Плоты на пálубу! Собирайтесь!

Люди просыпались, сéрые и блéдные. Всéми глазáми глядéли на капитáна. Капитáн вышel. С бáка на него глядéли бортовыé огнí: красный и зелёный. Яркие, на-пряжённые. Капитáн ужé слышал сзáди вознú, грó-ханье бру́сьев. Тарахтéла лебёдка. Вспыхнула грузовáя люстра.

— Гропáни, к пассажíрам! — сказáл капитáн на хо-дý. Он слышал голос Салéрно.— Салéрно, ко мне! — крикнул капитáн.— Вы распоряжáйтесь спуском плотóв. И ни однóй ошибки!

Вторóй штурман с матróсами вывáливал шлюпки за борт. Одýннадцать шлюпок. Капитáн глянул на часы.

Оставалось семнадцать минут. Но восток глухо чернел спра́ва.

— Всех на́вёрх! — сказа́л капитан мальчишке меха́нику. — Одного челове́ка остави́ть в машине.

Пароход нёсся, каза́лось, еще быстрей; напоследки — очертя голову.

Капитан вышел на мостик.

— Определите́сь по звёздам, — сказа́л он старше́му штурману, — надо точно знать наше ме́сто в океа́не.

Лёгкий ве́тер дул с востока. По океа́ну ходила широ́кая плавная волнá. Капитан стоял на мостике и смотре́л на сбóрку плото́в. Салéрно точно, без окриков, руково́дил, и руки людэй рабо́тали дру́жно, в лад. Капитан шагнул вправо. Ве́тром ду́нул свет из-за моря.

— Стоп, машина! — приказа́л капитан.

И сейчáс же умер звук внутрí. Пароход будто ослаб. Он с разгона еще нёсся вперёд. Люди на миг бро́сили рабо́ту. Все глянули на́вёрх, на капитана. Капитан серьёзно кивнул головой, и люди вцепились в рабо́ту.

XVIII

Абба́т просну́лся.

— Мы, кáжется, стойм, — сказа́л он испáнцу и зажёг элекtríчество.

Испáнец быстро стал одеваться. Поднимались и в други́х каютах.

— Ах да! Именйны! — кричал испáнец.

Он вы́сунулся в коридор и крикнул весёлым го́лосом:

— Да́мы и кавалéры! Пожáлуйста! Прошу́! Все в бéлом! Непремéнно!

Все собрали́сь в салоне. Гропáни был ужé там.

— Но почему же так рано? — говорили парядные пассажиры.

— Надо приготовить пикник, — громко говорил Гропани, а потом, шепотом, — возьмите с собой ценности. Знаете, все выйдут, прислуга ненадежна.

Пассажиры пошли рваться в чемоданах.

— Я боюсь, — говорила молодая дама, — в лодках по волнам...

— Со мной, сударыня, уверяю, не страшно и в ад, — сказал испанец. Он приложил руку к сердцу. — Идемте. Жажется, готово!

Гропани отпер двери.

Пароход стоял. Пять плотов гибко качались на волнах. Они были с мачтами. На мачтах флаги перетянуты узлом.

Команда стояла в два ряда. Между людьми проход к тряпу.

Пассажиры спустились на нижнюю палубу.

Капитан строго глядел на пассажиров.

Испанец вышел вперед под руку с дамой. Он улыбался, кланялся капитану.

— От лица пассажиров... — начал испанец и широким поклонился.

— Я объявляю, — перебил капитан крепким голосом, — мы должны покинуть пароход. Первыми сойдут женщины и дети. Мужчины, не трогаться с места! Под страхом смерти.

Как будто стон дохнул над людьми. Все стояли оцепеневые.

— Женщины, вперед! — скомандовал капитан. — Кто с детьми?

Даму с девочкой подталкивал вперед Гропани. Вдруг испанец оттолкнул свою даму. Он растолкал народ, вскочил на борт. Он приготовился прыгнуть на плот. Хлопнул выстрел. Испанец рухнул за борт. Капитан оставил

револьвёр в рукé. Блéдные люди проходíли мéжду матróсами. Салéрно размешáл пассажíров по плотам и шлюпкам.

— Все? — спросíл капитáн.

— Да. Две́сти три человéка! — крикнул сийзу Салéрно.

Комáнда мóлча, по одному, сходíла вниз.

Плоты отвалили от парохóда, лёгкий вéтер относи́л их в стóрону. Жéнщины жáлись к ма́чте, крéпко прижимáли к себé детéй. Дéсять шлюпок держáлись рýдом. Одна под парусáми и вёслами пошлá вперéд. Капитáн сказáл Гропáни:

— Дáйте знать встрéчному парохóду. Нóчью пускáйте ракéты!

Все смотрéли на парохóд. Он стоя́л оди́н средí мóря. Из трубы шёл лёгкий дым.

Прошло два часá. Сóлнце ужé высокó подняло́сь. Ужé скрылась из глаз шлюпка Гропáни. А парохóд стоя́л оди́н. Он ужé не дышáл. Мéртвый, брошенный, он покáчивался на зýби.

«Что же э́то?» — думал капитáн.

— Зачéм же мы уéхали? — крикнул ребёнок и за-плáкал.

Капитáн со шлюпки огля́дывался то на ребёнка, то на парохóд.

— Бéдный, бéдный... — шептáл капитáн. И сам не знал — про ребёнка или про парохóд.

И вдруг над парохóдом взлетéло бéлое облако, и вслед за ним рванúло вверх плáмя.

Гóмон, гул пошёл над людьмí. Мнóгие встáли в рост, глядéли, затайли дыхáние...

Капитáн отвернúлся, закры́л глазá рукóй. Ему бýло больно: горít живóй парохóд. Но он сно́ва взглянúл сквозь слёзы. Он крéпко сжал кулакí и глядéл, не отрывáлся.

Вéчером вíден был кра́сный бстов. Он рдел¹ вдали.
Потóм потúхло. Капитáн дóлго ещё глядéл, но ничего
ужé нé было вíдно.

Три дня болтáлись на плотáх пассажíры.

На трéтыи сútки к вéчеру пришёл парохóд. Гропáни
встрéтил на бортú капитáна.

Люди перешлí на парохóд. Недосчитáлись старика
Салéрно. Когдá он пропáл — кто егó знаёт.

1932

¹ Р д е т ь — краснеть.

СОДЕРЖАНИЕ

Кирилл Андреев. Борис Житков	3
Бата. Рис. Н. Тырсы	9
Компас. Рис. Н. Тырсы	20
На воде (Шквал). Рис. Н. Тырсы	30
Над водой. Рис. Петра Павлинова	42
Под водой. Рис. Петра Павлинова	51
«Мария» и «Мэри». Рис. Петра Павлинова	61
Николай Исакич Пушкин. Рис. Петра Павлинова . .	75
Механик Салерно. Рис. Н. Тырсы	83

ДЛЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Борис Степанович Житков

ИЗ МОРСКИХ ИСТОРИЙ

Рассказы

Ответственный редактор *М. И. Сальникова*. Художественный редактор *Н. И. Комарова*. Технический редактор *Л. П. Костикова*. Корректоры *Е. Б. Кайрукушис* и *Л. М. Короткина*.

Сдано в набор 22/1 1976 г. Подписано к печати 17/IV 1976 г. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 3,5. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 4,79. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2441. Цена 27 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглагполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущёвский вал, 49.

Цена 27 коп.